

С.В. РЕДЬКИН

Великий
Дирижёр

ЧТО ТЫ ГОТОВ СДЕЛАТЬ
РАДИ ГЛАВНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ
ТВОЕЙ ЖИЗНИ?

С.В. Редькин
Великий дирижёр

«Автор»

2026

Редькин С.

Великий дирижёр / С. Редькин — «Автор», 2026

Бывшая вундеркинд, ставшая детективом, Кристин Харт похоронила мечты о музыке — и нераскрытое убийство родителей — в холодной логике полицейской работы. Но когда начинают находить мёртвых музыкантов, она вынуждена вернуться в мир, который поклялась навсегда оставить. Виолончелист Себастьян Коупленд верит, что его новый концерт принесёт ему бессмертие. Когда легендарный дирижёр предлагает поставить это произведение, мечта Себастьяна требует идеального ансамбля. Пока Кристин распутывает симфонию насилия, а Себастьян приближается к своей кульминации, их судьбы сталкиваются в откровении, которое никто из них не мог бы сочинить, — в правде, наконец дающей Кристин ответ, которого она ждала двадцать один год.

© Редькин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	46
Глава 14	50
Глава 15	53
Глава 16	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

С.В. Редькин

Великий дирижёр

Глава

Часть I: Адажио

Глава 1

«Музыка убила моих родителей».

Возможно, это был не самый лучший ответ, но что есть, то есть.

— Простите? — доктор Корпачефф взглянула поверх своих роговых очков. — Кристин, вы только что сказали, что музыка...

— Убила моих родителей. Да. Именно так я и сказала... Ну, это было, можно сказать, одной из причин, — Кристин перебирала пальцами нефритовые бусы на запястье, прежде чем закрыть глаза. — Вы спросили меня о моих родителях, и я ответила на ваш вопрос.

Зачем я вообще их сейчас упомянула? — с сожалением подумала Кристин.

Кристин Харт, тридцатипятилетняя детектив отдела убийств, не хотела сидеть в кабинете психотерапевта в середине июля, пока её коллеги были заняты раскрытием уголовных дел, едва успевая перекусить в душном офисе, где иногда невозможно было находиться из-за запаха пота. Впрочем, кондиционер в кабинете доктора работал намного лучше, и – что уж там скрывать – находиться в комнате было куда приятнее.

Отдел по расследованию убийств, куда она добилась перевода всего два года назад, был не тем местом, где можно прохлаждаться и брать отгулы по личным причинам. Тут было как в армии: если ты подписался, ты должен быть на посту день за днём, несмотря ни на что. А сегодня Кристин чувствовала себя школьницей, которую отправили к директору за какое-то мелкое хулиганство, и теперь она тратила время, объясняя своё поведение, в то время как весь класс рассчитывал на неё на каких-то чрезвычайно важных спортивных соревнованиях. Это была абсолютная трата как её времени, так и денег налогоплательщиков.

— Поэтому вы здесь? — спросила доктор Корпачефф, поправляя очки.

Кристин посмотрела на большие нарядные часы на стене — ровно пять минут третьего. Она находилась в кабинете врача всего пять минут, но они тянулись как вечность. Она ничего не имела против доктора Корпачефф. Более того, Кристин даже понравилась её манера держаться, когда они встретились перед сеансом: приветливая, профессиональная, говорящая тихим голосом.

Доктор была примерно её возраста, возможно, даже немного старше Кристин, которая пару месяцев назад так и не нашла времени отпраздновать свой день рождения. У доктора Корпачефф была гладкая, смуглая кожа, и на ней был очень красивый, дорогой на вид бежевый брючный костюм. Кожа Кристин почти не видела солнца, хотя стояла середина лета — приходилось проводить слишком много времени в офисе днём и, сверх того, часами просиживать в машине во время вечерних наблюдений. Джинсы и рубашка Кристин – пусть чистые и опрятные – принадлежали ей дольше, чем ей хотелось бы признавать — не было ни времени, ни желания ходить по магазинам.

Кристин заметила, что доктор Корпачефф держит свои безупречно ухоженные ногти короткими, а её предплечья, не прикрытые закатанными рукавами шёлковой блузки, выглядят сильными. *Ежедневные тренировки? Без обручального кольца. Замужем? Есть ли у неё дети?*

— Нет, я здесь, чтобы научиться контролировать свой гнев при исполнении обязанностей, — Кристин заерзала в кресле.

У Кристин были кое-какие проблемы с парой коллег-мужчин — детективами Козьмински и О'Харой — которые не верили, что она способна хорошо выполнять свою работу, и пытались сделать так, чтобы ей доставались дела, которые не хотели вести они. Эти жалкие подобию сослуживцев состояли в хороших отношениях с детективом-сержантом, который распределял дела, когда поступали звонки от патрульных подразделений.

Несмотря на эти попытки подорвать её авторитет, у Кристин была хорошая статистика раскрытых дел, и её время от времени выводили из обычного графика распределения, поручая ей приоритетные дела по усмотрению её непосредственного начальника — лейтенанта Уайтхеда. Это не нравилось другим детективам, и они продолжали распускать по офису слухи о некомпетентности Кристин, что в конце концов и привело к перепалке с изрядной долей ругани (с их стороны) и небольшой потасовкой (с её стороны). Кристин была в хорошей физической форме, поэтому ей не составило труда намять бока двум тучным мужчинам средних лет. Возможно, она не должна была так поступать, но эти придурки нарвались сами.

— Как вы думаете, причина того, что вы здесь, связана с вашими родителями?

Кристин на мгновение задумалась.

— Что ж, возможно, всё, что происходит в жизни любого человека, так или иначе связано с его родителями. Вы так не считаете?

Доктор Корпачефф посмотрела в свои записи и кивнула.

— Что ж, почему бы вам не рассказать мне о них? Кем они были?

Кристин взглянула на доктора. Она уже жалела, что упомянула музыку — тему, говорить на которую избегала с четырнадцати лет. Но, как сказал лейтенант, ей нужно было «идти до конца и ничего не утаивать от врача, чтобы выздороветь... либо измениться» (что бы это ни значило), и, казалось, у неё не было выбора, кроме как поделиться болью, которую она носила в себе двадцать один год.

Кристин закрыла глаза и мгновенно представила маму и папу — в её памяти они навсегда остались молодыми и здоровыми. Она вспомнила мягкий голос матери, прикосновение её тёплых рук по вечерам и бодрое настроение отца по утрам. Он был жаворонком и обычно готовил для всех завтрак, тихонько напевая весёлые мелодии.

Кристин открыла глаза и увидела ободряющую улыбку на лице доктора.

— Они оба были инженерами и партнёрами в небольшой компании, которая занималась производством и обслуживанием лифтов. Они основали фирму сразу после окончания Политехнического института Балтимора. Мой папа — Оливер Харт — изучал инженерное дело, а мама — Конни Харт, в девичестве Брукс — математику. — Кристин улыбнулась. — Мои бабушка и дедушка говорили, что они были двумя «ботаниками», созданными друг для друга.

Доктор Корпачефф ответила улыбкой и кивнула.

— Раньше я... гм, играла на фортепиано. И... у меня очень хорошо получалось. — Кристин покачала головой и глубоко вздохнула. Прикосновение к самодельному браслету из каменных бусин на левой руке успокаивало — ей нравилось ощущать пальцами камушки. — Я начала заниматься в четыре года, а к шести была готова закончить восьмой класс музыкальной школы и перейти к профессиональному исполнению, что было... гм...

— Весьма впечатляюще? — предположила доктор Корпачефф.

— Я хочу сказать... видите ли, обычно дети заканчивают очередной класс каждый год, так что... наверное, я проходила все эти уровни быстрее, чем другие. И... когда мне было семь, я дала свой первый сольный концерт.

— Ваши родители хотели, чтобы вы профессионально играли на фортепиано?

Мысленно Кристин перенеслась в уютную и солнечную гостиную дома, в котором когда-то жила с родителями. У них было старое пианино Charles M. Stieff, которое чудесным образом досталось им вместе с домом, когда они туда въехали. Она видела себя сидящей на скамейке

— ноги болтаются, слишком короткие, чтобы достать до пола. Вот она - снова и снова играет гаммы, кусая нижнюю губу.

— Нет, — сказала Кристин. — Я сама этого захотела. Как только я поняла, что из себя представляет эта большая коричневая деревянная штука и как она издаёт звуки — мой папа немного умел играть — я просто захотела сама издавать эти прекрасные звуки. Это было похоже на... то, что пианино говорит со мной через эти звуки, и мне не хотелось, чтобы этот разговор заканчивался. Так что... гм, я продолжала барабанить по клавишам, пока мои родители не сдались и не наняли мне преподавателя, который объяснил, как играть правильно.

Кристин сделала глоток из стакана воды, который доктор Корпачефф налила ей в начале сеанса. Стакан стоял на подставке с изображением Эйфелевой башни. Стакан доктора стоял на такой же подставке, но другого цвета — это, вероятно, был комплект, и выглядел он недешёво. *Привезла ли доктор этот маленький сувенир из романтической поездки во Францию? Она выглядит достаточно утончённой, чтобы увлекаться культурой Старого Света. Возможно, даже, не приведи Господь, классической музыкой.*

— Музыка была единственным, что имело для меня значение. Я играла, когда бодрствовала, а во сне мне снилось, что я играю. Это было похоже на одержимость. Мне постоянно хотелось совершенствоваться, и я никогда не была полностью довольна результатом, — сказала Кристин.

— Ваши родители поддерживали вас?

— О, да, но... в какой-то момент, думаю, они немного испугались того энтузиазма, с которым я бралась за сложные музыкальные произведения. Я никогда не останавливалась, пока не убеждалась, что могу сыграть какой-то особенно трудный отрывок правильно. Даже мои учителя иногда говорили мне, чтобы я сбавила обороты, но я их не слушала. Я знала только одно... передо мной была цель, которую я должна была достичь, чего бы мне это ни стоило и сколько бы времени ни заняло.

Кристин сделала ещё один глоток. У неё пересохло в горле, и она чувствовала, что лицо горит. Она поставила стакан и повернула его на подставке так, чтобы Эйфелева башня указывала прямо на доктора — хотела проверить, заметит ли это доктор Корпачефф. Отец Кристин часто проделывал что-то подобное — *Ты видишь что-нибудь необычное?* — повторял он, чтобы отточить наблюдательность дочери, и со временем у неё вошло в привычку «предлагать это» другим людям - проверять, насколько они внимательны.

— Затем один из моих педагогов предложил мне участвовать в конкурсах, чтобы я могла совершенствовать мастерство в соревновании с другими детьми и объективно оценить свой уровень.

— И?

— Что ж, я участвовала в них, и я была...

— Кем была?

— Намного лучше, чем все остальные, — сказала Кристин и снова отпила воды. Горло по-прежнему было пересохшим. *Кондиционер всё ещё работает?* — Итак, настал момент, когда я была готова выступить на серьёзных международных конкурсах... гм, мне нужны были деньги на поездки, и мои родители делали всё, чтобы эти поездки состоялись.

Кристин заметила, что доктор Корпачефф делает какие-то пометки своей серебряной ручкой в кожаном блокноте, и пыталась угадать, какая часть уже рассказанной истории заслуживает столь пристального внимания и может помочь решить проблемы Кристин на работе.

Будучи детективом отдела убийств, Кристин носила с собой стандартный карманный чёрный кожаный блокнот, куда записывала важные детали дел, над которыми работала, и значимые подробности из интервью с людьми, вовлечёнными в её расследования. Во время подготовки детективов её учили, что сотрудники полиции всегда должны стремиться делать точные

и подробные записи. И, что важно, их следует делать «максимально своевременно». Записи отражают то, о чём думает следователь, что он делает и что наблюдает.

О чём думает и что сейчас наблюдает доктор Корпачефф? Живы ли ещё её родители? У них хорошие отношения?

— В общем, — продолжила Кристин. — Мои родители были довольно успешны, и у них не было проблем с оплатой моих уроков музыки, равно как и поездок на конкурсы. Они даже купили мне подержанный рояль Steinway baby grand, который стоил как небольшая машина, когда мне было десять лет. Им пришлось вынуть оконную раму в гостиной, чтобы внести этот инструмент в дом. Папа и мама устроили мне сюрприз, пока я была у бабушки с дедушкой, и я была так счастлива, когда увидела его.

— Этот рояль до сих пор у вас?

— Да.

— Вы играете на нём?

— Нет.

— И здесь мы плавно переходим к... — доктор мягко указала ручкой на Кристин.

— Да. — Кристин горько усмехнулась. — Я должна была выступить на важном музыкальном конкурсе, который открывал передо мной как перед исполнительницей множество новых горизонтов, и я хотела, чтобы мои родители присутствовали там. Они не смогли сопровождать меня из-за срочной работы, но пообещали занять места в зрительном зале к тому моменту, как я выйду на сцену.

Доктор Корпачефф кивнула, ничего не говоря.

— Когда ты на сцене, из-за яркого света трудно разглядеть, кто находится в зале. Я хорошо сыграла свою пьесу, и помню гром аплодисментов. Я встала, окрылённая собственным успехом. Пьеса была сложной — «Три фрагмента из «Петрушки»» Стравинского — но мне казалось, что я справилась. Жуткая ирония заключалась в том, что мы с моим учителем выбрали именно её. Я подошла к краю сцены, чтобы помахать родителям, и увидела, что их места пусты.

Кристин глубоко вздохнула.

— В общем, когда я поняла, что их нет, я разозлилась на них за то, что они пропустили такое важное событие в моей жизни, и в этот момент я заметила полицейского, который вошёл в зал и показывал на меня, разговаривая с моим педагогом.

Кристин вспомнила, как у неё подкосились ноги, а все звуки вокруг превратились в белый шум. Она до сих пор ощущала что-то подобное всякий раз, когда вспоминала тот переломный момент.

— Когда я спустилась со сцены, я узнала об автокатастрофе, унёсшей жизни моих мамы и папы. Они только что припарковались недалеко от концертного зала и доставали из машины букет цветов, когда большой чёрный пикап врезался в их Lexus. Мой отец погиб мгновенно. Мама продержалась достаточно долго, чтобы назвать врачам скорой помощи моё имя и место, где я выступала, прежде чем потерять сознание, а позже она скончалась в реанимации, ещё до того, как я смогла туда добраться.

— Сколько вам было лет?

— Четырнадцать.

— А что было потом?

— Я перестала заниматься музыкой и больше никогда не играла на фортепиано.

Доктор Корпачефф задумалась на минуту.

— Почему вы сказали, что выбор музыкального произведения был до жути ироничен?

Кристин снова горько усмехнулась.

— Говорят, что когда Стравинский писал эту пьесу, он представлял себе марионетку, которая дьявольскими каскадами арпеджио испытывает терпение оркестра. Я помню, как заикнулась на слове «дьявольский», когда это случилось, и почувствовала, что сама навлекла проклятие на родителей своей музыкой.

— Что случилось с виновником аварии?

— Я не знаю.

— Почему?

— Ни машину, ни того, кто её вёл, так и не нашли. На той улице не было камер видеонаблюдения, а свидетели не запомнили номерной знак.

Доктор Корпачевф снова на мгновение задумалась.

— Как вы думаете, преждевременная смерть ваших родителей стала причиной того, что вы пошли служить в полицию?

Кристин поправила браслет и посмотрела на подставку под своим стаканом — Эйфелева башня по-прежнему была нацелена на доктора. Судя по всему, доктор Корпачевф не заметила перемены.

— Я не думаю, я знаю, что это так, — сказала Кристин и взглянула на часы. Оставалось ещё двадцать минут.

Глава 2

Старая кофеварка издала привычное бульканье, возвещая о том, что свежий кофе готов. Себастьян Коупленд, тридцатишестилетний мужчина с мечтательными голубыми глазами, длинной, неопрятной гривой каштановых волос с проседью и выпирающим животом, неторопливо вошёл в кухню таунхауса, который делил со своей матерью Лидией Хассельбах, чтобы получить свою первую за день дозу кофеина. На часах была половина седьмого утра — время, когда он начинал свои ежедневные занятия на виолончели, длившиеся порой до полудня.

В отличие от многих классических музыкантов, Себастьян не был «совой» и предпочитал придерживаться режима «ранней пташки». Другой причиной регулярных утренних подъёмов было отсутствие стабильной работы в оркестре, которая требовала бы иного распорядка дня. Он зарабатывал на жизнь, обучая игре на виолончели нескольких детей, а также получая деньги от музыкальных магазинов за то, что направлял к ним своих учеников для покупки инструментов. Порой случались и концерты — свадьбы, вечеринки, модные корпоративы — которые иногда приносили немного дополнительного дохода.

— Налей мне чашку, — раздался из гостиной требовательный голос матери. — И сахар на этот раз не забудь. Марта никогда не забывает. Ты уже давно должен был взять с неё пример.

Марта Смит была пятидесятисемилетней соцработницей из организации, поддерживающей музыкантов на пенсии. Она приходила помогать Лидии по дому три раза в неделю. Себастьян был благодарен Марте за помощь, но мало с ней общался, так как обычно был занят, когда она приходила.

— Да, мама, — рассеянно ответил Себастьян, привыкший к постоянным просьбам Лидии и выполнявший их, даже не задумываясь.

Он прокручивал в голове Концерт № 1 для виолончели с оркестром Шостаковича — в исполнении Ростроповича, разумеется — того, для кого этот концерт, собственно, и был написан, — когда налил две чашки кофе и прошёл в гостиную, где застал мать сидящей в своём любимом кресле с потёртой обивкой и смотрящей новости по телевизору.

Лидия Хассельбах была семидесятидвухлетней жилистой женщиной с вечно недовольным выражением лица, из-за которого она походила на строгую школьную учительницу. Её седые с проседью волосы были аккуратно собраны в небольшой пучок на затылке, на пожелтевшей коже лица виднелся тонкий слой пудры, а ястребиные глаза следили за каждым движением Себастьяна.

— Эта кучка идиотов разрушит страну, и никто, чёрт возьми, ничего с этим не делает, — сказала она, выражая своё мнение о политическом репортаже, который телевизионный эксперт освещал с пафосным энтузиазмом, и взяла чашку. Она посмотрела на Себастьяна. — Помяни моё слово — конец света близок, поэтому даже не думай приводить каких-нибудь детей в это сатанинское пекло. Ты меня слышишь?

— Да, мама. — Одна часть его мозга отдавала приказ отвечать ничего не значащими фразами на бесконечно негативные комментарии Лидии по поводу всего, что она видела по телевизору, а другая — переживала элегическую вторую часть концерта, где виолончель вела свою вторую тему, становясь всё более взволнованной, наращивая напряжение к кульминации на 148-м такте. Себастьяну всегда нравилась эта смена темпа после маршеобразного аллегретто первой части. Лёгкая дрожь удовольствия на мгновение появилась на его губах и исчезла бесследно. Он не хотел, чтобы Лидия подумала, будто он её не слушает или, упаси Боже, смеётся над ней.

— Вот именно. Никаких новых детей для этой Богом забытой страны. Им промуют мозги и непременно превратят либо в зомби, либо в пушечное мясо, — сказала Лидия, отпивая кофе и сама приходя в волнение. — Только музыка может спасти нас. Музыка может спасти этот

прогнивший мир. Или могла бы... Я не знаю. — Она посмотрела на Себастьяна, словно желая убедиться, что он не собирается возражать, и, не заметив никакой явной реакции от покорного сына, снова повернулась к телевизору. — Я тебе когда-нибудь рассказывала, что я была в списке кандидатов на поездку в СССР с Кливлендским оркестром? — спросила она, не отрывая глаз от очередного эксперта на телеэкране.

Себастьян, слышавший эту историю всего лишь несколько десятков раз, покачал головой, чтобы вновь доставить удовольствие матери, позволяя ей погрузиться в столь дорогие для неё воспоминания.

— Это так, — с гордостью сказала Лидия. — Я могла бы стать первой американской арфисткой, которая сыграла бы для этих бедных людей. Я могла бы изменить историю, и, Бог знает, может, всё могло бы сложиться иначе, если бы я попала в тот тур.

Себастьян достаточно хорошо знал свою мать — бывшую профессиональную арфистку, переставшую выходить на сцену примерно с тех пор, как он себя помнил, — чтобы не спрашивать, почему она так и не получила место в оркестре в 1965 году, и что именно могло бы сложиться иначе, стань она его частью.

Он знал, что Лидия отыщет тысячу и одну причину, почему мир был к ней несправедлив, и как мужчины, включая «твоего никчёмного отца», разрушили её перспективы стать величайшей арфисткой в мире. Несмотря на то, что они оба жили в доме, которым владел покойный отец Себастьяна, Стивен Коупленд, и который он им оставил вместе с деньгами, позволявшими оплачивать все счета, Лидия по-прежнему считала свой брак с «человеком, который ничего не смыслил в музыке», величайшей ошибкой своей жизни.

— Не стой столбом, сходи свари яйца, пока не начал заниматься. Марте никогда не нужно ничего повторять. Она делает всё раньше, чем я успеваю подумать. — Голос Лидии настойчиво втискивался во вторую часть концерта, звучащую в голове Себастьяна. — Мне нужно, чтобы ты днём заехал за таблетками, а ещё у нас заканчиваются овощи. Не забудь купить мяса на ужин, и на этот раз возьми бутылку приличного вина, а не то дешёвое пойло, что ты притащил на днях. Ты меня слышишь?

Она окинула взглядом одежду Себастьяна — старую гавайскую рубашку и штаны карго.

— И, ради всего святого, постарайся надевать что-нибудь приличное, когда находишься в доме, хорошо? Что с тобой сегодня такое? Ты же музыкант. — Она театрально вздохнула. — Вот я тут разглагольствую о том, чтобы не заводить детей. Какая же я глупая. Какие дети, Господи прости? Да ни одна женщина в мире даже не подумает связаться с тобой, если ты будешь продолжать одеваться как бродяга.

— Да, мама.

— И витамины свои не забудь принять. Или я должна всё за тебя помнить?

Себастьян выждал момент, чтобы убедиться, что от Лидии не последует новых указаний, но, заметив, что её внимание снова приковано к телевизору и, как обычно, захвачено «говорящими головами» на экране, он тихо вышел из комнаты.

Настало время ежедневных занятий. После того, как Себастьян сварил яйца, он спустился в подвал и, пройдя через прачечную, вошёл в «святая святых» — единственное место в доме, где его оставляли совершенно одного, где он мог делать, что хотел, и где его ждала виолончель.

Пол и стены этого «алтаря музыки» были покрыты старыми персидскими коврами, которые отец Себастьяна привёз из своих командировок на Ближний Восток. Стивен, инженер-нефтяник, много путешествовавший по работе, был известен как большой ценитель уникального ткацкого мастерства, распространённого только на Востоке.

У Себастьяна остались тёплые воспоминания об отце — человеке, который всегда был полон оптимизма, крутил пластинки The Beatles, когда Лидии не было дома (она терпеть не могла «эту дрянь»), и который неожиданно умер от сердечного приступа в возрасте пятидесяти лет.

Смерть отца стала тяжёлым ударом для Себастьяна, но она сблизила его с братом Полом, с которым он раньше почти не общался. Пол олицетворял собой всё то, что Лидия хотела видеть в сыне — он был аккуратным и организованным. Себастьян же был полной противоположностью брата. Ему никогда особо не было дела до своего внешнего вида, что раздражало Лидию — абсолютную перфекционистку. Она много занималась с сыном музыкой, чтобы «врождённая лень» Себастьяна не помешала ему двигаться вперёд на этом поприще, и «пожертвовала сотней часов» своего безраздельного внимания ради его занятий. В их доме никогда не устраивали ночёвок для друзей, а Себастьяна никогда не приглашали к одноклассникам, потому что у него никогда не было времени ни на что, кроме музыки.

Себастьян осторожно поставил всё ещё дымившуюся чашку кофе на старый стол, заваленный кипами нот. Он замер неподвижно посреди комнаты с закрытыми глазами, дожидаясь, пока закончится вторая часть концерта, всё ещё звучащая у него в голове. Как только воображаемый Мстислав Ростропович опустил смычок, Себастьян открыл глаза и улыбнулся. Ростропович, воображаемый или нет, никогда не подводил его и всегда настраивал на нужный для занятий лад.

Он взял чашку с кофе и сделал несколько глотков, наслаждаясь напитком. Закончив, он поставил чашку обратно на стол и перевёл взгляд на большой, старый, потрёпанный, но прочный футляр для виолончели с семью серебряными застёжками, стоявший рядом с его стулом и пюпитром. Внутри футляра находилась самая ценная в жизни Себастьяна вещь — виолончель, на которую он потратил половину денег, оставленных отцом, едва достигнув возраста, достаточного для того, чтобы самостоятельно принять чрезвычайно трудное решение о покупке подходящего инструмента. На этот раз Лидия согласилась с его выбором.

Себастьян немного размялся: покрутил плечами и потянул их — третья часть концерта уже играла у него в голове.

Он медленно отстегнул застёжки футляра и открыл крышку. Внутри, на месте, была его виолончель Helmut Keller & Son, «Галина» — названная в честь жены Мстислава Ростроповича. В тот момент, когда Себастьян впервые увидел эту виолончель, он понял, что она особенная. Её красота была достойна имени жены величайшего музыканта. Себастьян осторожно коснулся грифа и провёл пальцами по обечайке, вниз к эфам, корпусу и подгрифку.

— Здравствуй, Галина, — тихо сказал он с мечтательной улыбкой. — Скучала по мне?

Себастьян до сих пор помнил свою первую виолончель из немецкого дерева, сделанную в Шанхае. Это был уникальный инструмент, занимавший особое место в его сердце. Но «Галина» стала для него настоящей спутницей жизни — инструментом, с которым он создавал свою собственную музыку.

Сначала — самое главное.

Себастьян достал из футляра смычок. С помощью маникюрных ножниц он отрезал торчащий конский волос. Затем натянул оставшийся волос и натёр его канифолью. Ему нравилось использовать ту, в которую, как говорили, были добавлены частички золота, которые, правда, невозможно было увидеть невооружённым глазом, но сама эта идея приводила Себастьяна в восторг. Его раздвижной стул стоял там, где углы ковров почти сходились, оставляя достаточно открытого паркета, чтобы поставить упор-шпиль для виолончели. Себастьян не хотел портить отцовские ковры. Он отрегулировал шпиль «по-русски», чтобы «Галина» располагалась почти горизонтально относительно его груди — так было удобнее для правой руки со смычком — это давало более насыщенный и мощный звук.

Прижав «Галину» к груди, Себастьян дождался, пока в его голове закончилась третья часть концерта — каденция соло на темах из предыдущих частей. Он сделал свою обычную разминку (упражнения на контроль пальцев, разогрев запястья правой руки, упражнения на крещендо и диминуэндо на открытой струне), затем потянулся к метроному, стоявшему на столе, и легонько толкнул маятник.

Себастьян закрыл глаза, прислушиваясь к ритмичным щелчкам, ощущая растущее волнение, которое всегда испытывал перед игрой, затем глубоко вздохнул и начал с упражнений на трели и вибрато, прежде чем перейти к гаммам.

Он удвоил скорость, отыгрывая по четыре активных пассажа для каждого элемента в своей обычной медитативной и размеренной манере. Затем, чтобы стимулировать мозг, он исполнил часть одной из сюит для виолончели Баха — сегодня, согласно установленному им порядку, это была Сюита № 4 ми-бемоль мажор.

Теперь настало время для его шедевра. Произведения, появление которого изменит мир музыки. Того, что наверняка изменит и его жизнь, но... миру придётся подождать, пока у него не будет всего необходимого, чтобы представить своё творение должным образом.

Глава 3

Эта пятница в офисе была на удивление спокойной. Поздоровавшись, как обычно, с фотографией родителей на столе, Кристин выпила чашку кофе и принялась за работу с документами. До выходных ей нужно было закончить несколько рапортов, и, хотя от этого гора бумаг на столе Кристин не должна была сильно уменьшиться, «разделаться» с ними всё равно было приятно.

Она закрывала дело об убийстве — молодая женщина была застрелена в своей квартире какими-то бандитами, которым был должен её парень — и готовилась к выступлению в суде. Кристин просматривала свои показания, когда зазвонил телефон. На экране высветилось имя её бабушки.

Кристин знала причину звонка — Вероника Харт звонила узнать, придёт ли внучка на обед в субботу. Кристин несколько раз отменяла встречи, ссылаясь на свою занятость, но это было правдой лишь отчасти. Она знала, что бабушка с дедушкой волнуются, что их внучка работает в условиях постоянного стресса, что она всё ещё одинока, и хотят убедиться, что у неё всё в порядке. Кристин ценила их заботу, но ей было трудно выдерживать долгие разговоры о поисках спутника жизни. Бабушка и дедушка с пониманием отнеслись бы к любому решению Кристин, даже если бы выяснилось, что она предпочитает женщин. Поначалу это её забавляло, но затем Кристин поняла, что они говорят серьёзно. Бабушка с дедушкой, должно быть, подозревали, что отсутствие у Кристин каких-либо романтических или сексуальных отношений с мужчинами означает, что она, скорее всего, «играет за другую команду или не играет вообще».

Кристин не могла объяснить, почему в тридцать пять лет у неё почти не было свиданий с мужчинами. Ей не хотелось рассказывать людям, которые заботились о ней после смерти родителей, о том, в какой хаос превратилась её личная жизнь. Несколько коротких, ничего не значивших романов убедили её, что лучше оставаться дома и заниматься тем, что нравится — делать каменные браслеты и читать о драгоценных камнях, — чем тратить время на мужчин, которые не готовы эмоционально вовлекаться в процесс свиданий. Поэтому Кристин ограничилась тем, чтобы сообщать родственникам, что это её выбор — какой бы он ни был — и они должны его уважать.

Впрочем, у неё было и другое, менее асоциальное хобби, которое отчасти было связано с её работой. Она любила ходить в тир, где могла выпустить все негативные эмоции и выбросить из головы разочарования, стреляя по мишеням.

Возможно, она могла бы прибегнуть к фиктивным отношениям, и в какой-то момент даже подумывала привести домой подставного молодого человека, чтобы бабушка с дедушкой перестали расспрашивать её о личной жизни. Но она решила этого не делать — не смогла заставить себя лгать им. Однако на этот раз Кристин почувствовала, что у неё нет выбора, и неохотно взяла трубку.

— Привет, бабуля, — сказала она, отрываясь от рапортов.

— Привет, дорогуша, — бодро ответила Вероника. — Надеюсь, я не отвлекаю тебя от чего-то важного.

— Нет, всё в порядке. Что случилось?

— Да ничего особенного. Просто хотела убедиться, что ты завтра придёшь на обед.

Эта фраза напомнила Кристин о том времени, когда она поступила в Университет Балтимора, чтобы получить степень бакалавра юриспруденции в области уголовного процесса. В семнадцать лет она была самой младшей в своей группе. Вероника звонила ей каждый день, чтобы проверить, как у неё дела, беспокоясь, сможет ли Кристин позаботиться о себе. Это продолжалось до самого окончания полицейской академии. К тому времени Кристин уже научи-

лась выживать самостоятельно, но всё равно порой позволяла уговорить себя прийти на домашние обеды.

Родители Кристин обеспечили её достаточной поддержкой, чтобы она могла не беспокоиться о финансах, а также оставили ей таунхаус, чтобы она могла жить самостоятельно. Но Кристин решила не тратить средства из траста, учрежденного в её интересах, ни на что, кроме образования, если только в этом не возникнет крайняя необходимость. Поэтому, когда у неё была возможность, она подрабатывала официанткой, чтобы наскрести достаточно денег на текущие расходы, прежде чем получить полицейский значок.

Кристин улыбнулась.

— Конечно, бабуля. Я приду. Хочешь, я что-нибудь принесу?

— Полагаю, бутылка вина была бы вполне к месту, но только если для тебя это не слишком обременительно.

— Нет, не обременительно. Я куплю какое-нибудь хорошее.

— О, отлично.

В разговоре наступила знакомая пауза — Вероника формулировала очередной «деликатный» вопрос.

— Да? — произнесла Кристин, не желая затягивать разговор на рабочем месте.

— Мы с твоим дедушкой думаем, что...

— Что?

— Ну, есть один славный молодой человек...

— Бабуля!

— Нет, послушай. Я просто говорю, что... ты не обязана, если не хочешь, но сын наших друзей...

— Пожалуйста, не говори мне, что ты имеешь в виду своих соседях и их сына.

Веронике и Сэму Харт не повезло иметь соседями Эллисонов — самую напыщенную пожилую пару, которую Кристин когда-либо знала, — и их сорокалетнего сына Мэтью, который считал себя пупом Земли и вёл себя соответственно. «Невыносимый придурок» — эти два слова были синонимом Мэтью Эллисона в словаре Кристин.

— О нет, — ответила Вероника. — Я говорю о Викторе О'Брайене.

Кристин с трудом вспомнила, кто это. В голову пришли несколько образов красивого мужчины, который работал на своего отца и постоянно разговаривал по телефону на одном или двух семейных мероприятиях, где им случалось пересекаться.

— Ты помнишь его, дорогуша? — спросила Вероника.

— Отчасти, но я не...

— Послушай, прежде чем сказать «нет», выслушай меня...

Кристин закатила глаза, прекрасно понимая, что Вероника этого не видит, но ничего не могла с собой поделать.

— Он работает на своего отца. Может, ты и не помнишь — он занимается недвижимостью, разъезжает по стране и продаёт квартиры и дома богатым людям. Он довольно успешен, знаешь ли.

— Так что с ним не так?

— В каком смысле?

— Он успешный и красивый, но... он один? Да?

— Да.

— Так что же с ним не так? Почему он всё ещё один?

Вероника рассмеялась.

— О, я понимаю, к чему ты клонишь.

— К чему я клоню?

— Ну, не прикидывайся невинной, юная леди. — Вероника попыталась придать голосу строгость. — Ты мстишь нам, да? За то, что мы тебе говорили? Так?

Кристин улыбалась, но хотела продолжить эту игру, чтобы бабушка осознала, что они с ней делали.

— Не напомнишь? Что именно ты мне говорила по поводу того, что я одинока?

— О, прекрати! Ты же знаешь, всё было по-другому, когда мы — ох, даже когда твои родители, царствие им небесное, — были молоды. Люди знакомились... как сейчас говорят? Сходились в двадцать с небольшим.

— А теперь?

— Ладно, теперь всё по-другому. Довольна?

Вероника никогда не могла выиграть в спорах с Кристин — факт, о котором они обе были прекрасно осведомлены.

— Вполне. Так... что насчёт Виктора? Он ищет спутницу жизни? — спросила Кристин. Вероника рассмеялась.

— Ты, конечно, отличный детектив, но правда в том, что... это его родители переживают о нём, и они... ну, они просто предложили...

— Предложили что? Устроить свидание вслепую?

— Оно же будет не вслепую. Вы ведь знаете друг друга.

— Отчасти. Я видела его дважды в жизни. Даже не помню, как он выглядит, честно говоря. С тех пор он мог растолстеть и отрастить бороду, как у ZZ Top, откуда мне знать.

— ZZ... что? — переспросила Вероника.

— Группа. Ты что, о них не слышала? Они довольно «древние». Я сама удивлена, что привела эту аналогию.

— О. — Это прозвучало так, как будто бы Вероника так и не поняла аналогию. — Так или иначе, пожалуйста, подумай об этом. Это могло бы быть полезно для тебя...

Ну вот опять, — подумала Кристин.

— ...познакомиться с кем-то.

Вот оно!

— Хорошо, бабуля. Я подумаю, — сдалась Кристин.

— Большого я и не прошу, дорогуша. — Голос Вероники заметно повеселел. — Всё, я тебя отпускаю. Ты, наверное, ужасно занята.

— Задача выполнена, да?

— Что, прости?

Кристин покачала головой, улыбаясь.

— Я люблю тебя, бабуля. Я принесу вино. Увидимся завтра.

— Я тоже люблю тебя, дорогуша.

Кристин повесила трубку и уже хотела вернуться к работе над рапортом, но передумала и решила проверить в полицейской системе дорожного патруля, не было ли за последнее время аварий с участием автомобилей, похожих на тот, что фигурировал в деле её родителей. Речь шла о чёрном Ford Super Duty 1999 года, согласно показаниям некоторых свидетелей. Кристина делала это каждую неделю, когда у неё выдавалось свободное время.

Глава 4

— Ужин готов? — пронзительный голос Лидии, казалось, отражался от стен гостиной, многократно усиливаясь и проникая в каждый уголок таунхауса. Он всегда напоминал Себастьяну о его покойном деду Натане Хассельбахе, отце Лидии, который был злобным стариком и терпеть не мог всё, что было ему не по вкусу. Себастьян помнил, как тот орал из гостиной, требуя пива, — точь-в-точь как Лидия сейчас, — и его мать была той, кто приносил его из холодильника; Натан пил только холодное пиво, иначе неприятностей было не миновать.

— Скоро всё будет готово, мама, — спокойно ответил Себастьян с кухни, где проверял, как запекается в духовке куриная тушка. Оставалось ещё минут двадцать, пока кожица некогда живой курицы, которую кормили только натуральным зерном и которая, вероятно, вела счастливую жизнь на свободе, прежде чем её зарезали ради удовольствия людей, следящих за тем, что они кладут себе в рот, приобретёт аппетитный светло-коричневый оттенок.

Отец Себастьяна обычно отвечал в семье за покупку продуктов и всегда выбирал товары высокого качества. Он придерживался философии «ты - то, что ты ешь». Лидия часто высмеивала такой подход, называя его «бессмысленной тратой денег». Однако, заметив положительный эффект на своей коже — раньше у неё часто появлялось раздражение, когда она ела некоторые продукты, — она постепенно начала верить в пользу здорового питания. Лидия яростно отвергала любые намёки Стивена на то, что причина её состояния объясняется стрессом или психосоматикой, твёрдо веря, что всё дело было только в отсутствии культуры питания у её родителей. В некоторой степени это было правдой, потому что Натан плевать хотел на то, что он ест - за исключением, разве что, температуры своего пива - лишь бы там было мясо.

Мать Лидии, Кэтлин, не имела права голоса в семейной иерархии. Натан был доминирующей фигурой, с которой всем приходилось считаться, но Лидия была дочерью своего отца и, упрямая как осёл, навязала новые пищевые привычки и ему.

Надев фартук, Себастьян нарезал очень тонкими ломтиками несколько органических картофелин, посыпал их солью, перцем, смазал топлёным маслом и добавил к курице в духовке.

— Давай, поторапливайся. Я умираю с голоду, — раздалось очередное замечание. — Почему ты не можешь быть, как Марта?

Себастьян кивнул в знак согласия — у Марты был выходной, и сегодня он дежурил на кухне — и продолжил готовить зелёный салат с сыром, грецкими орехами и тыквенными семечками, заправленный органическим тыквенным маслом. Работая над салатом, он думал о своей музыкальной композиции, которую нужно было немного доработать, прежде чем показывать её Лидии.

Он решил, что матери пришло время узнать, чем он был занят (всё это время). Он не «слонялся без дела» и не был «всего лишь учителем музыки для ленивых детей». Даже если он был слишком стар для серьёзных прослушиваний, у него было достаточно мастерства и знаний, чтобы создавать музыку, достойную исполнения на сцене.

— Почему ты мне не отвечаешь? — властный голос Лидии прозвучал у него за спиной.

Себастьян обернулся и увидел Лидию, стоящую рядом с обеденным столом. Она опиралась на него одной рукой, а в другой держала нотную тетрадь. Ей нравилось по вечерам перед ужином просматривать музыкальные произведения, которые она когда-то исполняла. На ней была чёрная шёлковая водолазка и чёрные брюки; она выглядела так, словно собиралась куда-то пойти. Себастьян знал, что этот вечерний ритуал Лидии был для неё способом ощущать себя всё ещё работающей и востребованной. Он подыгрывал матери в этом, никогда не спрашивая о причине её «официального» вида.

— Извини, мама. Увлёкся салатом, — сказал Себастьян, перемешивая салат в большой керамической миске. — Курица будет готова примерно через пятнадцать минут. Почему бы тебе не присесть, а я налью тебе бокал вина?

Лидия фыркнула — она не любила, когда ей указывали, что делать.

— Оно охлаждённое?

— Разумеется, — сказал Себастьян и направился к холодильнику за бутылкой шардоне.

Лидия села и поставила свою нотную тетрадь рядом с тарелкой, предварительно проверив поверхность стола и найдя её относительно чистой. Она сложила руки на груди и взглянула на сына.

— Сегодня с тобой что-то не то, — сказала Лидия. — Ты выглядишь... взволнованным. Что происходит? Вчера ты не хотел со мной разговаривать, сегодня готовишь — не то чтобы я жаловалась — просто ты выглядишь так... ну, не знаю. О чём бы ты ни думал в своей голове, эти мысли делают твоё лицо странным.

Себастьян закончил перемешивать салат и поставил миску на стол.

— Я хочу кое-что показать тебе сегодня вечером... после ужина, конечно, — сказал он, пододвинув миску ближе к тарелке Лидии.

— Ну, что бы это ни было, не забудь об этом, как обычно. И я хочу тебе напомнить, что сегодня вечером у меня, возможно, будет гость. Так что я надеюсь, это не займёт много времени.

Себастьян не думал, что это правда — очередная отговорка, чтобы нарядиться к ужину, — но ничего не сказал.

Лидия жестом поторопила сына.

— Давай уже поедим. Я съем немного салата и выпью бокал вина, пока курица не готова.

Лидия часто выпивала за ужином больше одного бокала вина, переходя на более крепкие напитки «на десерт». И со временем количество потребляемого ею алкоголя постепенно увеличивалось.

С последним движением смычка произведение завершилось. Себастьян сдул со вспотевшего лица прядь волос. Это был первый раз, когда он сыграл свой «шедевр» для кого-то другого. Даже Пол пока не слышал его. Себастьян посмотрел на мать и задумался, не было ли всё-таки это ошибкой - играть для неё. Он мог пересчитать по пальцам одной руки те случаи, когда она была хоть сколько-нибудь снисходительна к тому, что он делал - ему даже не понадобились бы для этого все пальцы.

Себастьян взглянул на мать.

— Ну? — спросил он.

Лидия глубоко вздохнула и покачала головой. Она сидела в своём любимом кресле — том самом, где раньше сидел Натан, — и выглядела так, словно обдумывала, что сказать.

— Тебе не понравилось, — произнёс Себастьян утвердительным тоном.

Она отпила бурбона, своего любимого «дижестива», который принесла на «презентацию» в гостиную, прежде чем ответить.

— Неважно, нравится мне это или нет, — произнесла Лидия. — Вопрос в том, считаешь ли ты сам это достаточно хорошим с музыкальной точки зрения. Думаешь, ты полностью выразил то, что хотел донести до слушателя, этим произведением? — спросила она снисходительным тоном.

Себастьяну было ясно, что мать невысокого мнения о его сочинении, и он без лишних слов начал укладывать «Галину» обратно в футляр.

— Я имею в виду, — продолжала Лидия, — что здесь было слишком всего, не так ли? Музыка звучала так, будто ты пытался втиснуть Шостаковича, Бетховена, Сметану и Моцарта в одно маленькое пространство и заставить их сражаться друг с другом. — Она сделала ещё

один глоток. — Что это было, что-то вроде короткого прослушивания? Такое впечатление, что ты слишком стараешься скрыть отсутствие композиторских способностей за техническими сложностями. Помнишь, как в детстве ты прятал мокрые простыни?

Лицо Себастьяна дёрнулось при упоминании его «маленькой проблемы» из детства, и Лидия удовлетворённо кивнула, словно говоря: «ты понимаешь, что я имею в виду».

— Притворяться, будто чего-то нет, когда оно есть - не значит решить проблему, — добавила она, забывая последний гвоздь в крышку гроба своей оценки.

— Неважно, — сказал Себастьян, закрывая футляр с виолончелью. Ему больше не хотелось обсуждать с матерью это произведение. Она явно пьянела и была не готова анализировать сложность его музыки.

Он встал.

— Ты куда? — спросила Лидия. Её речь становилась невнятной.

— Выйду ненадолго, — произнёс Себастьян. — Мне нужно подышать свежим воздухом.

Лидия пожалала плечами, взяла пульт от телевизора, включила его и начала переключать каналы.

— Что ж, давай. Мой гость немного задерживается, но он всё-таки зайдёт на стаканчик позже, — сказала она, не глядя на сына.

Лидия закончила разговор, что вполне устраивало Себастьяна. Он запер футляр, выходя из комнаты под голоса телекомментаторов и звуки того, как его мать методично расправлялась с бутылкой.

У него самого была важная встреча, которую он не хотел пропускать. Даже равнодушие Лидии не испортило Себастьяну настроение настолько сильно — он ожидал подобной реакции, вернее, её отсутствия. В каком-то смысле мать подтвердила то, что он всегда подозревал: его музыка была предназначена только для выдающихся умов — людей, способных оценить полиритмическое и гипнотическое спокойствие создаваемых им мелодий.

Себастьяну нужен был кто-то особенный, и именно этот кто-то — невероятная, немислимая удача (или провидение?) — появился в его жизни. Этот человек, казалось, олицетворял собой желанный ответ на невысказанные молитвы Себастьяна. Великий Дирижёр — один из величайших музыкальных умов своего поколения — согласился прослушать его произведение. Это могло изменить жизнь Себастьяна и положить начало уникальному сотрудничеству. Это было всё, на что надеялся Себастьян — истинное признание его музыкального таланта.

Это случилось пару лет назад, когда он только начал работать над своим произведением. Встреча была настолько неожиданной и сюрреалистичной, что иногда он боялся, что её вовсе не было. Он не мог представить себе, что исполнитель его уровня, едва ли заслуживающий внимания с точки зрения профессиональных снобов — оркестровых музыкантов — мог привлечь внимание такой «величины». Но Великий Дирижёр был другим; он смог разглядеть в Себастьяне суть истинного композитора.

Что касается музыкального мастерства Себастьяна, нельзя сказать, что он был никудышным виолончелистом. Он был неплох, но существовали тысячи других музыкантов, подобных Себастьяну, которые постоянно искали эфемерные места в оркестрах по всему миру через Интернет-сайты и по сарафанному радио, и, подавая очередную заявку, они должны были мириться с разными, не всегда профессиональными, дополнительными условиями.

Что выделяло Себастьяна из толпы, так это его уникальный композиторский ум. Он где-то читал, что композиторы могут слышать неслышимое, проникать из сознательного в подсознательное и облекать эмоции в звуковую форму. Именно так он ощущал свой собственный разум. Он не просто стремился стать выдающимся солистом, уделяя десятки часов каждую неделю совершенствованию своих исполнительских навыков. Он хотел выступать на сцене, играя собственную музыку. Его сочинения были вершиной человеческого творчества. Его

произведения выдержат испытание временем, как египетские пирамиды, и люди будут наслаждаться ими вечно.

Великий Дирижёр был очень терпелив и ждал, пока Себастьян будет готов работать над финальной частью своего концерта. Он предложил ему свою помощь, и Себастьян буквально лишился дара речи – так он был ошеломлён этим предложением.

Однако было два условия. Первое: разум Себастьяна должен быть свободен от любых негативных мыслей, и ему необходимо создать идеальную среду для сочинения музыки. Это означало, что он должен быть свободен от чьего-либо влияния, включая влияние своей матери.

Как только это условие будет выполнено, Великий Дирижёр объявит второе условие.

Сегодня вечером Великий Дирижёр должен был встретиться с Себастьяном и оценить его успехи в работе над произведением. Себастьян забудет о реакции Лидии и сосредоточится на встрече с человеком, который, скорее всего, изменит его жизнь.

Глава 5

Был воскресный вечер, и Кристин ехала на своё первое в жизни свидание вслепую с Виктором О'Брайеном. Она наконец согласилась на встречу с ним, чтобы порадовать бабушку с дедушкой или потому, что «капля камень точит», как выразился её дедушка Сэм Харт. За субботним обедом о свидании избегали говорить вплоть до десерта — морковного торта, который Кристин принесла вместе с бутылкой вина. Они договорились, что, если свидание пройдёт плохо, попыток сватовства больше не будет. Кристин обменялась рукопожатиями с Вероникой и Сэмом, чтобы закрепить «делку века» - ещё одна мудрая мысль от её дедушки.

Она согласилась принять звонок от Виктора, который последовал позже вечером. Приятный мужской голос заверил её, что он тоже чувствует себя немного неловко из-за этой ситуации — оказалось, что Виктор, в свою очередь, согласился на свидание с ней ради своих родителей, — и пообещал закончить свидание, как только ей станет некомфортно.

Одно очко в пользу Виктора, — подумала она с улыбкой.

Виктор предложил ей несколько вариантов места для их встречи и также спросил, есть ли у неё любимые заведения.

Внимательный — ещё одно очко.

Она позволила ему выбрать место, что он и сделал (это оказался хороший итальянский ресторан), и прислал подробности сообщением через несколько минут после того, как они закончили разговор.

Организованный — запишу ему ещё одно очко.

Кристин решила взять такси, чтобы иметь возможность выпить — она никогда не позволяла себе выпивать, будучи за рулём — на случай, если свидание пойдёт не так. Так что сейчас она сидела в такси и гадала, может ли мужчина, которого она видела всего два раза в жизни — сын друзей её бабушки и дедушки, — оказаться тем, с кем она действительно могла бы встречаться. Она проверила его страницу в соцсетях и нашла несколько фотографий довольно красивого, здорового на вид мужчины за сорок с пышной гривой светлых волос.

На сайте его компании, где работал Виктор, было указано, что он окончил хороший университет, изучал бизнес и получил степень магистра в сфере недвижимости и управления имуществом. Ему нравилась рок-музыка (слава Богу! Ей не хотелось вести разговоры о классической музыке) и путешествия (это могло стать камнем преткновения, потому что у Кристин не было времени на поездки). В свободное время, которого у него «практически не было», он любил почитать хорошие романы и нон-фикшн. *Ещё одно очко.* Кристин нравились люди, которые читают, даже если у неё самой почти никогда не было времени делать это для удовольствия.

Она написала Виктору, что опоздает на несколько минут. Хотя в свои рабочие часы Кристин обычно была пунктуальна, на этот раз она решила элегантно опоздать. Заставив Виктора ждать, она надеялась выявить некоторые черты его характера, которые он, возможно, попытался бы скрыть при первой встрече. Когда она получила его сообщение: *Не переживай, я уже здесь,* она начислила ему ещё одно очко за понимание.

Пока что Виктор получил в свою пользу четыре очка. Не слишком ли усердно он старается произвести на неё впечатление? С этим мужчиной явно что-то не так. Никто не может быть идеальным.

Или, может, она подсознательно стремилась дать ему шанс? Кристин теребила свой браслет из каменных бусин, глядя, как улицы Балтимора проносятся мимо.

— Привет, извини за опоздание, — сказала Кристин, войдя в ресторан и заметив Виктора, сидящего за столиком у окна. *Ещё одно очко в его пользу за выбор хорошего места — ей*

нравилось наблюдать за прохожими, когда она ела. Виктор выглядел стильно в своих дорогих серых брюках и белой рубашке, из-под которой виднелась лёгкая растительность на груди. Кристин заметила, что он был в лоферах без носков. В общем, это был мужчина, который чувствовал себя комфортно в собственной шкуре.

— Всё в порядке, — сказал Виктор, вставая и приглашая её присесть. — У меня была возможность немного расслабиться.

— Ты не выглядишь нервным, — сказала Кристин, садясь и уловив пряный запах освежающей туалетной воды Виктора.

— Думаю, это профессиональная привычка — мне нужно излучать уверенность, чтобы продавать дорогие участки, — сказал он, садясь напротив.

Кристин улыбнулась.

— Понятно... Однако, если честно, я не совсем понимаю, что мы должны делать. Никогда раньше не была на свиданиях вслепую.

— У меня та же история. Что, если я скажу, что ты прекрасно выглядишь? Это сойдёт за начало разговора?

Кристин рассмеялась. Она потратила весь день, решая, что надеть на это свидание, и, в конце концов сдавшись, выбрала светло-голубые джинсы и белую хлопковую блузку.

— Теперь я знаю, что ты просто вежлив.

— Вообще нет. Я ценю, что ты пришла такой, какая ты есть, а не в официальной версии себя. Понимаешь о чём я?

— Будем считать, что это комплимент. — Кристин заметила, что подставки на столе были с логотипом ресторана. Она повернула ту, что была ближе к ней, так, чтобы она указывала на Виктора. *Заметит ли он это? На кону дополнительное бонусное очко.*

— Так и есть. — Виктор улыбнулся и подал знак официанту. — Почему бы нам не заказать что-нибудь вкусное поесть и выпить и не начать воспринимать всю эту... — Он покрутил указательным пальцем.

— Ситуацию со свиданием? — подсказала Кристин.

— Верно — ситуацию со свиданием с удовольствием, наслаждаясь этим замечательным местом?

— Хорошая идея, — сказала Кристин, беря меню у официанта. — Посмотрим, что у них есть.

Два с половиной часа спустя Кристин ехала в такси домой. Она всё ещё чувствовала запах туалетной воды Виктора после прощального поцелуя в щёку. Ей нравился этот запах, и она получила удовольствие от вечера. Они договорились встретиться снова. Свидание вслепую оказалось не таким уж плохим. Кристин почувствовала, как в кармане джинсов завибрировал телефон. Она достала его и увидела сообщение от Виктора. Как раз когда она собиралась его прочитать, раздался звонок от её лучшей подруги, Лоры Маккензи.

Кристин и Лора дружили ещё в средней школе. Лора была единственным человеком, который мог выдержать бесконечные уроки, репетиции и любовь Кристин к классической музыке. Кристин, в свою очередь, была единственной подругой, способной мириться с одержимостью Лоры здоровым питанием, которая порой граничила с нездоровой манией.

Лора также была той, кто поддержал Кристин после смерти родителей, оказав ей всю необходимую помощь в то трудное время.

После школы Лора решила заняться графическим дизайном и стала востребованным специалистом в этой области. Она встретила Чарльза Кирквуда, скромного IT-инженера, и они полюбили друг друга. Противоположности действительно притягиваются. Чарльз любил Лору такой, какая она есть, несмотря на её интенсивный подход к жизни. У них было два питомца,

собака и кошка, — единственные существа на этой планете, которых Лора не пыталась изменить.

— Привет, Тина, — сказала Лора своим обычным требовательным тоном.

— Привет, Лола, — сказала Кристин, также называя подружку ласкательным именем по привычке.

— Чем занимаешься?

Кристин выждала секунду, потому что знала, что это риторический вопрос.

— Ты не поверишь, что только что случилось, — продолжила Лора.

Кристин привыкла к еженедельным «сенсационным новостям» от Лоры и устроилась поудобнее на сиденье. Дорога домой должна была занять ещё пятнадцать минут, так что можно было и расслабиться.

— Чарли мне изменил.

Кристин выпрямилась.

— Что?!

— Я нашла обёртку из «Бургер Кинга» в сумке Чарльза! — произнесла она так, словно это было объявлением войны. — Можешь себе представить? Он ел эту дрянь у меня за спиной.

Кристин громко выдохнула и расслабилась.

— Так он изменил тебе с фастфудом?

— Это не смешно.

— Может, это чья-то чужая обёртка, — предположила Кристин без особого энтузиазма. Она знала, что Чарльз не мог и шагу ступить без согласования с женой. Если бы он ел в этом месте, то лучше бы заметал следы. — Коллеги, возможно?

— То есть ты хочешь сказать, что кто-то другой съел эту чёртову штуку, а потом положил обёртку в его сумку? — И, не дав Кристин шанса ответить, Лора заключила: — Это самое жалкое объяснение, которое я когда-либо слышала. А ты ещё детектив! — Она фыркнула. — Между прочим, детектив Харт, он во всём признался.

— Признался?

— Да. Он уже неизвестно сколько времени тайком обедает неизвестно где со своими толстыми друзьями из офиса, которые едят сало на завтрак.

Кристин рассмеялась.

— Не может быть всё настолько плохо. Как долго он это делает?

— С прошлой недели.

— С... Лола, брось. Скажи мне правду, это был всего один обед?

На другом конце линии повисла пауза.

— Разве это имеет значение? — спросила Лора. — Он мне изменил! Изменил! Ты должна быть на моей стороне.

— Я на твоей стороне, но он тоже мой друг.

— Сначала я была твоей подругой, и ты должна — подожди-ка. — Со стороны Лоры раздался металлический звук, очень хорошо знакомый Кристин.

— Ты готовишь? — спросила она.

Лора любила по вечерам экспериментировать с разными рецептами, чтобы создать очередной здоровый ответ на все болезни мира, и выкладывать результаты в соцсети.

— Конечно. Чем же ещё мне заниматься в это время? Кстати... чем это ты занимаешься?

— Что ж, если хочешь знать, я была на свидании. На свидании вслепую, между прочим.

— Что?! Ты шутишь? — По звуку показалось, что готовка прекратилась. — Давно пора, я считаю. Кто этот счастливчик? И, ради всего святого, не говори мне, что это один из твоих коллег-матершинников. Как, кстати, продвигается борьба с теми придурками - женоненавистниками в твоём офисе? Ты сказала своему начальнику, что это они должны ходить к психотерапевту?

— Как выяснилось, мне и самой нужно немного терапии, — сказала Кристин с улыбкой.

— Поверь мне, если не считать твоей одержимости стрельбой по мишеням, бесконечного перебирания бусин и шокирующего отсутствия новой одежды в гардеробе, с тобой всё в порядке, — сказала Лора и снова загремела посудой. — Что, кстати, сказал психотерапевт? Может, и мне кое-что пригодится.

— Ну, мне нужно выяснить, какова истинная цель моего гнева. Без этого я буду «изливать свой гнев на всех, кто окажется рядом». Как-то так.

— Разве эти жирные убудки - не твоя истинная цель?

— По словам доктора Корпачефф, это уходит глубже, и мы займёмся этим на следующих сеансах.

— Хм, не так-то много она и сказала, да? Думаю, хорошо, что ты не платишь за всё это.

— Ну, если подумать...

— Подожди секунду. Ты говорила о том, что была на свидании, не так ли?

Кристин покачала головой с улыбкой. Её подруга была известна тем, что в разговоре перескакивала с темы на тему, не заканчивая начатую. Кристин смирилась с этим давным-давно и не обижалась на подругу.

— Его зовут Виктор О'Брайен, и у него очень красивые голубые глаза.

— Имя звучит знакомо, но... глаза, знаешь ли, имеют значение. Что там говорят о глазах мужчины? Это кратчайший путь к женским трусикам, так?

Кристин рассмеялась.

— Кто это говорит?

— Так говорят, и всё — авторитетно заявила Лора. — Ты должна рассказать мне всё об этом мистере О'Брайене. Мы пообедаем между твоими... расследованиями, и я устрою тебе допрос. Всё, мне пора. Мне ещё нужно снять видео с тем, что я готовлю. Хочешь знать, что именно?

— Не очень.

— Так я и думала. Пока.

Лора издала чмокающий звук и повесила трубку. Кристин опустила телефон и, увидев, что она уже в своём районе, собиралась убрать его обратно в карман, но вспомнила о сообщении Виктора.

Сообщение гласило: *Мне очень понравилось это свидание вслепую... с тобой. Надеюсь скоро увидеться.*

Она улыбнулась.

Виктор заметил её трюк с подставкой и сделал то же самое, что заставило их обоих рассмеяться.

Дополнительное бонусное очко было честно заработано.

Глава 6

Себастьян проснулся в своё обычное время – в половине шестого утра – и сначала не мог вспомнить, какой сегодня день. Это иногда с ним случалось. Он приписывал эти провалы в памяти переутомлению от чрезмерных занятий и собирался было обратиться к кому-нибудь по этому поводу, но так и не нашёл на это времени. Для музыканта проблемы с памятью – это проблема, но он не слишком беспокоился об этом, потому что, казалось, его мозг особенно тщательно заботился о той музыке, которую он играл. Нотные партитуры были словно высечены в его сознании как в камне.

Себастьян изо всех сил старался вспомнить каждую деталь своего последнего разговора с Великим Дирижёром. Хотя та встреча была смутной – ему определённо стоило больше отдыхать – он точно знал, что ему нужно было делать. Ему просто нужно было понять, как это сделать.

Но сначала – самое главное. Как обычно — чашка кофе и пара яиц всмятку для Лидии. Себастьян задумался о том, как прошла её выдуманная встреча. Не уснула ли его мать снова в кресле перед телевизором?

После того, как яйца будут готовы, Себастьян несколько часов будет репетировать свой концерт. После этого ему нужно будет спланировать подход к тому, что Великий Дирижёр назвал «великой трансформацией» — переходом от хорошего музыканта к выдающемуся композитору. Он обязательно создаст среду для творчества без отвлекающих факторов. Это был сложный процесс, который многим талантливым людям даётся нелегко.

Сколько современных композиторов можно назвать, не задумываясь? Себастьян твердо намеревался стать тем, кого никто не забудет. Его имя должно было стоять в одном ряду со Скарлатти, Дебюсси, Генделем, Равелем, Чайковским, Скрябиным и, конечно же, Шостаковичем. Но, чтобы достичь этого, нужно было принести определённые жертвы.

«Все великие композиторы не от мира сего», — сказал ему Великий Дирижёр во время их второй встречи. — «Они не обычные люди. Они — врата для Божьего промысла. Способность создавать музыку, которая трогает и меняет людей, — это честь, дарованная лишь немногим избранным. Ты должен быть готов быть избранным. Всё остальное не имеет значения».

Себастьян понимал эту логику. Чтобы стать великим музыкантом, недостаточно просто технически верно сыграть произведение. Нужно придать исполнению глубину, а эта глубина исходит из личного опыта и вызванных им эмоций. Ключевым элементом здесь было страдание. Это поистине бесценное состояние, поскольку оно приносит человеку целый спектр эмоций, которые можно выразить через музыку. Ты – не просто создатель музыки; ты – её «вос-создатель», привносящий в своё сочинение новые грани, которых люди никогда прежде не слышали. Однако, чтобы стать великим композитором, нужно значительно поднять планку. Без определённых жертв просто не обойтись.

— Что мне нужно сделать, чтобы избавиться от... отвлекающих факторов? — Себастьян не мог заставить себя упомянуть мать; но в душе он соглашался с Великим Дирижёром – она была главным препятствием для создания необходимой среды. Себастьян просто не мог свыкнуться с мыслью о том, что Лидии не будет рядом – это была какая-то странная версия стокгольмского синдрома, где агрессором выступала его собственная мать. Она всегда присутствовала в его жизни, не всегда позитивно, но она была неотъемлемой частью того, кем он был, являлась тканью его существования.

Если уж рассуждать о материнстве – Лидия Хассельбах никогда не была заботливой матерью, осыпающей собственного сына любовью и вниманием. Себастьян не мог говорить за своего брата Пола, но постоянный поток критики, раздражения, которое Лидия могла излить на сына по любому малозначительному поводу, и её общее равнодушие к каким-либо важным

решениям в жизни Себастьяна, не связанным с музыкой, не позволяли ему думать о ней как о матери, которая любит своего сына безусловно. В детстве он лучше общался с отцом. После смерти Стивена осталось две вещи, о которых Себастьян заботился больше всего, — музыка и его брат. Именно в таком порядке.

Себастьян знал, что его Лидия пыталась проецировать на него все свои мечты, но никогда не делала это так, чтобы поддержать и его. Казалось, мать всегда была зла на весь мир и не упускала случая напомнить ему об этом. Когда Себастьян был моложе, он не мог понять, почему так происходит. Но Пол, который никогда не стеснялся рыться в вещах Лидии, когда её не было дома — в основном в поисках денег, — рассказал брату несколько семейных секретов.

В двадцать с небольшим Лидия была многообещающей арфисткой, но у неё был один серьёзный недостаток для музыканта того времени — она была женщиной. Мир классической музыки был печально известен своим патриархатом, на сцене почти не было места для женщин. В лучшем случае Лидия могла рассчитывать на место в камерных ансамблях, но она не хотела мириться с судьбой и была полна решимости менять историю наравне с другими выдающимися женщинами, пробивавшими себе дорогу в мужской мир классической музыки.

Имея не слишком много возможностей для получения места в оркестре, Лидия использовала не только свои музыкальные навыки, но и физические прелести, чтобы соблазнить дирижёра, который в то время был женат на богатой женщине, чья семья была одним из главных спонсоров оркестра. Благодаря некоторым «друзьям» из оркестра жена маэстро вскоре узнала о связи Лидии со своим мужем. Чтобы избежать скандала, супруги решили замять дело в «семейном» кругу.

Репутация дирижёра осталась незапятнанной. А вот Лидия должна была уйти. Она так и сделала, но не без борьбы, потому что искренне верила, что у маэстро были к ней чувства. Она пыталась это доказать. Дирижёр в своё время прислал ей несколько страстных писем, но это не помогло, а только ухудшило ситуацию.

Лидию обвинили в том, что она сфабриковала письма в «отчаянной и жалкой» попытке сохранить своё место в оркестре. В итоге маэстро сохранил свою работу, потому что был гением, а Лидия осталась и без работы, и без перспектив — никто не хотел нанимать к себе «опозоренную и взбунтовавшуюся женщину». Чтобы скрыть правду от отца, Лидия инсценировала несчастный случай, в котором «повредила» запястье. Это поставило крест на её музыкальной карьере. Оставалось только давать частные уроки.

Отец Лидии был рад, что несчастный случай ненароком вбил немного здравого смысла в безумную голову его дочери. Не то чтобы он был против её музыкальной карьеры; он просто не видел для неё в этом большого будущего. Чтобы отвлечь от себя внимание Натана и дистанцироваться от всех, кто мог знать о её «служебном романе», Лидия нашла несколько молодых учеников, поучаствовала в паре «бессмысленных» концертов и начала встречаться с парнем, жившим по соседству, Стивеном Коуплендом, которого всю жизнь игнорировала. У молодого человека была хорошая работа, и вскоре он сделал Лидии предложение, когда выяснилось, что она беременна. Так родители Себастьяна оказались вместе.

Пол подозревал, что у матери могли быть и другие мужчины, но никак не мог доказать это. Либо он ошибался, либо Лидия умела замечать следы.

Натан никогда особо не любил Стивена, но, поскольку молодой человек сделал из Лидии «честную женщину», и у него был собственный дом, он принял его как зятя. Когда Стивен начал зарабатывать приличные деньги, он даже «поднялся на несколько ступеней» в рейтинге Натана. Лидия, однако, никогда, казалось, не любила своего мужа по-настоящему и спустя несколько лет начала винить его в своих проблемах. Только Бог знает, чем бы закончился их брак, если бы Стивен не умер однажды от инсульта, оставив дом жене.

Пол винил Лидию в смерти отца, никогда не высказывая этого ей в лицо, но всегда изливал душу Себастьяну, который, хоть и был опустошён, принял кончину Стивена, посчитав, что

«пути Господни неисповедимы». Себастьян ни в чём не винил мать, хотя ему и не нравилось, как она относилась к отцу. Это было похоже на то, как она обращалась с самим Себастьяном, за исключением, пожалуй, тех случаев, когда он хорошо выступал на каких-то музыкальных конкурсах. Себастьян воспринимал Лидию как некое необходимое зло, потому что в детстве у него просто не было выбора, а, повзрослев, он уже не знал иного. У него была только одна мать.

Теперь пришло время ей уйти. Великий Дирижёр был прав насчёт этого, но Себастьяну понадобится помощь.

Он начал репетировать. Сегодня Себастьян исполнит одну часть из самой сложной сюиты Баха — Сюиты № 6 ре мажор — и проиграет свой концерт от начала до конца, чтобы настроиться на нужный лад. Этот день должен был стать чем-то особенным. Началом новой жизни.

Глава 7

— Хорошая работа по делу Браун, Кристин, — сказал лейтенант Дуглас Уайтхед, её непосредственный начальник.

Он был в хорошем настроении. Это был крепкий мужчина — бывший морпех — лет пятидесяти пяти с лысеющей головой и пытливыми глазами. Поговаривали, что одним из его (и его жены) увлечений было разведение собак, и в подобном хобби не было бы ничего интересного, если бы ему не нравились... карликовые пудели. Шутить о карликовых пуделях в присутствии Дугласа не стоило, если только вы не хотели бы попасть в его чёрный список. Он с нетерпением ждал выхода на пенсию, чтобы «вывести дело разведения собак на новый уровень». Кто-то мог бы сказать, что таким образом супруги Уайтхед пытаются компенсировать отсутствие детей, но такому человеку, скорее всего, стоило бы находиться в другом городе, чтобы осмелиться произнести нечто подобное.

Лейтенант Уайтхед через пару дней уходил в отпуск, и Кристин знала, что он не любит видеть незакрытые дела на своём столе перед ежегодной рыбалкой. Дело, о котором он говорил, было бытовым убийством двадцатисемилетней женщины, Табиты Браун, которую застрелили подозрительные коллекторы её парня. Они пришли, чтобы припугнуть её и передать парню сообщение, но она, видимо, оказала сопротивление и была смертельно ранена. Парень, которого Кристин арестовала и допросила, оказался приличным человеком, если не считать преступной деятельности, приведшей к смерти его девушки. Как бы там ни было, он дал показания против банды, причастной к этому делу. Дело Браун было раскрыто относительно быстро, и это помогло повысить показатели результативности отдела.

— Продолжай в том же духе, пока меня не будет, — сказал лейтенант и бросил новое досье на стол Кристин, добавив его к внушительной кипе папок, уже лежавшей там. — Взгляни на это дело. Наезд со скрытием с места происшествия.

Особый интерес Кристин к подобным делам был хорошо известен в отделе, и к этому не относились как к некой форме предвзятости. Кристин знала, что у лейтенанта был довольно стоический склад ума, когда речь заходила о любых психологических барьерах. В его представлении препятствие, каким бы оно ни было, и было путём к решению проблемы. Поскольку дело родителей Кристин до сих пор оставалось нераскрытым, всегда был крошечный шанс, что та самая машина наконец «всплывёт». Кристин думала так же.

— Похоже, это было умышленно. Детектив, который вёл дело, вынужден был взять отгул по личным обстоятельствам, — добавил Уайтхед. Кристин с удивлением посмотрела на шефа — взять отгул посреди расследования? Это было довольно нетипично.

— Да, я знаю, — сказал Дуглас, словно прочитав её мысли. — Там приключилась какая-то семейная трагедия, и, честно говоря, наш коллега не особо продвинулся в расследовании. Просто... просмотрите это дело - там должен быть список людей, с которыми нужно поговорить в первую очередь. — Лейтенант Уайтхед оглядел офис и добавил громче: — Слушайте все. Я жду ваши рапорты у себя на столе к девятнадцати ноль-ноль. Никаких исключений.

Послышался нестройный, лишённый энтузиазма гул согласия, и все детективы вернулись к своим бесконечным кипам бумаг. Дуглас улыбнулся и снова посмотрел на Кристин:

— Как проходят сеансы у психотерапевта?

— Сегодня днём иду на следующий, — сказала она, не отвечая на вопрос.

— Послушай, все мы проходим через трудные времена. Знаешь, люди здесь, — он указал на детективов в офисе, — выгорают и не могут дождаться, когда они вернутся в патруль или получат кабинетную работу, лишь бы не возиться с растущей грудой нераскрытых дел.

Кристин молчала. Что бы лейтенант Уайтхед ни говорил, лучше было не прерывать его мысль.

— Я к тому, что... наведи сперва порядок вот здесь... — Он указал на свой собственный висок. — Сделай это правильно, потому что на улицах творится столько дерьма, которое только и ждёт, чтобы влезть к тебе в голову и свести с ума. Ты понимаешь, о чём я?

— Так точно, сэр, — ответила Кристин.

— Хорошо. Не упускай главное и не отвлекайся на ерунду. Ходи к мозгоправу и не опаздывай, — сказал Дуглас и медленно направился к своему кабинету, иногда останавливаясь у столов разных детективов, чтобы проверить ход их работы.

Сегодня доктор Корпачефф была в бежевом шёлковом платье, красивых золотых серьгах и таких же браслетах. Её помолвочное кольцо с крупным бриллиантом сверкало над обручальным кольцом из белого золота, пока она делала пометки в своём кожаном блокноте. *Есть ли у неё дети?*

— Хотите рассказать мне о своём свидании? — спросила она Кристин сразу после того, как детектив поделилась с ней несколькими новостями из своей жизни.

— Ну, его зовут Виктор, и он занимается недвижимостью вместе с отцом. Ему сорок пять, белый, высокий, здоровый, с голубыми глазами.

— Интересное описание, вы не находите?

— Почему?

— Звучит так, будто вы описываете подозреваемого. — Доктор Корпачефф улыбнулась. Кристин на секунду задумалась и кивнула. Действительно, это звучало как полицейское досье.

— Издержки профессии? — спросила она.

— Возможно, — согласилась доктор Корпачефф. — Как вы себя чувствовали, идя на это свидание?

— Я была... я немного нервничала, если честно, но он показался... приятным и... чистым.

— Чистым? — Очередная пометка отправилась в блокнот.

— Это странный способ описать своего спутника?

— Если это пришло вам в голову, значит... чистый — это хорошо.

— В общем, он рассказал мне о своей жизни. Он холост. У него были девушки, но, видимо, отношения не сложились. Он так много путешествует... по работе, что... — Кристин подбирала правильное окончание фразы. — Наверное, это нормально, но...

— Может стать проблемой, если...?

— Ну да. Я имею в виду, что я тоже сильно занята... своей работой здесь.

— Значит, вы думаете продолжить общение с ним? — Это прозвучало скорее как вопрос, чем как утверждение.

Кристин пожала плечами.

Доктор Корпачефф сняла очки и положила их на блокнот.

— Что вы рассказали ему о себе?

— Он знает о моих родителях, если вы об этом. Как я уже говорила, его родители дружат с моими бабушкой и дедушкой, так что он, возможно, слышал кое-что обо мне... или мог о чём-то спросить перед свиданием.

— Понятно.

Кристин подождала следующего вопроса, и, когда его не последовало, продолжила:

— В общем, мы приятно пообщались, он настоял на том, чтобы заплатить за ужин, и проводил меня до такси.

— Вы собираетесь снова его увидеть?

Кристин задумалась и кивнула.

— Думаю, это возможно.

Доктор Корпачефф снова надела очки и сделала ещё одну пометку.

— Как успехи на работе?

— Работы много. Новые дела поступают через день.

— Отношения с коллегами?

— На этой неделе никто ни на кого не кричал.

Доктор Корпачефф кивнула.

— Как дела дома?

— Ну, кроме свидания вслепую, рассказать особо не о чем.

— А что насчёт ваших хобби?

Во время их первого сеанса Кристин рассказала доктору Корпачефф о своей одержимости камнями и стрельбой, которые помогали ей расслабиться и отвлечься от некоторых чудовищных деталей её работы.

Кристин верила, что камни обладают энергией, которая может очистить её разум и защитить от негативной энергии извне. Её мать, Конни, носила красивые бусы, и маленькая Кристин любила перебирать их на мамином запястье. Однажды Конни показала ей, как сделать браслет, и это постепенно переросло в увлечение шлифованием и гравировкой после того, как Кристин нашла несколько интересных камней — бирюзу, агат, перламутр, тигровый глаз и чёрный оникс, — которые когда-то принадлежали её матери. В те времена это было единственным, чем Кристин любила заниматься в перерывах между музыкой.

Другим хобби, которое помогало Кристин забыть о преступном мире, к удивлению её бабушки и дедушки, была стрельба по мишеням. «Разве тебе мало этого на работе?» — спрашивала её бабушка каждый раз, когда Кристин возвращалась с тренировки. Это был вид спорта, который не допускал отвлечений за пределами тира, требовал полной сосредоточенности и спокойствия. Если Кристин думала о чём-то другом, это сказывалось на её результатах, и она получала немедленный выговор от тренера. Она ожидала, что доктор Корпачефф заговорит о чувственном аспекте стрельбы — у доктора Зигмунда Фрейда наверняка было что сказать на этот счёт.

— Даже не знаю, что вам ответить. — Кристин пожала плечами. — Я всё ещё делаю браслеты из полудрагоценных камней и регулярно стреляю по мишеням.

— Что именно вы делаете с браслетами? — спросила доктор Корпачефф.

Кристин показала ей камни со своего браслета, — бирюзу с несколькими серебряными бусинами.

— Ношу их сама, дарю тем, кто мне дорог, и иногда продаю в Интернете.

— Это приносит хороший доход?

— Не особо. Просто... они дают людям энергию. Мне нравится думать, что кто-то носит то, что я создала собственными руками.

— Что это за энергия?

— Не знаю. Наверное, они способствуют исцелению и защите от негатива.

— Поэтому вы их носите?

— Я не думала об этом. — Кристин снова взглянула на свой браслет и начала его перебирать. — Они красивые. Мне просто нравится их делать, и... они напоминают мне о матери.

Доктор Корпачефф кивнула и сделала пометку в блокноте.

— А что насчёт стрельбы?

Ну вот, — подумала Кристин. Сейчас они будут говорить о психиатрических особенностях женщины, обращающейся с оружием.

— Что именно вы хотите узнать? — спросила Кристин.

— Я думала, детектив, мы договорились, что здесь вопросы задаю я, — сказала доктор Корпачефф с улыбкой.

— Верно. — Они действительно договорились так на первом сеансе, и Кристин не нужно было особенно задумываться над этим. — Я должна быть готова, когда возникнет критическая ситуация, — сказала она.

— А что произойдёт, когда она возникнет? — спросила доктор Корпачев, снова снимая очки.

Кристин перестала перебирать браслет, её губы дрогнули в улыбке, но глаза остались серьёзными.

— Я буду готова.

Глава 8

Себастьян чистил зубы нитью в ванной на втором этаже своего таунхауса. Здесь он регулярно совершал свой утренний ритуал. Он пользовался нитью дважды в день, утром и вечером. Весь процесс занимал две минуты и длился до тех пор, пока дёсны не начинали кровоточить. После этого Себастьян полоскал рот водой и принимался чистить зубы.

Пол выговаривал брату, что пользоваться зубной нитью так интенсивно не件лезно, но Себастьян не мог изменить эту привычку, которую Лидия вдолбила в него в детстве. «Пока нет крови, чисто не будет», — говорила она сквозь стиснутые зубы, орудуя нитью, а сын плакал и просил её остановиться. Когда Себастьян повзрослел, он пользовался нитью только в минуты стресса. Затем этот процесс превратился в ежедневную рутину, о которой он даже не задумывался, а розовая вода, которую он сплевывал в раковину, стала неотъемлемой частью его гигиенических процедур.

Отложив нить, он взял зубную щетку и в очередной раз напомнил себе купить новую. Щетина на этой щётке вся растрепалась и износилась, она выглядела так, будто ею чистили камни, а не зубы. Как-то Себастьян прочитал интересную историю о зубных щётках, которые изобрели китайцы две тысячи лет назад – вначале их делали из жесткой свиной щетины. Он посмотрел на свою щетку и задумался – была бы свиная щетина такой же растрепанной после нескольких месяцев использования?

Тщательная чистка зубов была ещё одной привычкой, привитой Себастьяну Лидией, которая считала, что у хорошего музыканта должна быть красивая, белозубая улыбка на сцене. «Ты можешь играть блестяще, но, если твои зубы не белые и не ровные, образ не будет полным. Он будет несовершенным. А если хочешь стать великим музыкантом, ты должен быть совершенен во всем», — говорила она. В голову вдруг пришла мощная музыкальная фраза — «Nessun dorma» из «Турандот» Пуччини - оперы, вдохновленной китайской музыкальной шкатулкой, которую композитор получил в подарок. Эта опера содержала китайские мелодии, которые Пуччини нашел занятными и попытался включить в своё творение. Себастьян любил эту музыку и наслаждался, слушая, как Лучано Паваротти поёт знаменитую арию.

Забавно, как мозг иногда связывает, казалось бы, случайные вещи, подумал он.

Почистив зубы и все еще напевая «Nessun dorma», Себастьян отправился на кухню, чтобы сварить себе чашку кофе. В доме было тихо, и он решил не нести чашку в своё «музыкальное святилище», а насладиться утренней тишиной в гостиной.

Викторианский дом, в котором жила семья Себастьяна, был построен в начале двадцатого века в районе, который сейчас считается историческим и называется Резервуар-Хилл. Бабушка и дедушка Себастьяна по отцовской линии прибыли в Балтимор через остров Эллис в Нью-Йорке в 1903 году, покинув Российскую империю в поисках лучшей жизни. Они сменили фамилию с Копалевых на Коупленд, чтобы ассимилироваться в новом мире, и на деньги, которые привезли с собой, купили таунхаус, который Себастьян всю жизнь называл своим домом. Легенда гласила, что большую часть своего состояния они вывезли за границу в виде бриллиантов, спрятанных в кожаном мешочке, зашитом в нижнее бельё прадеда, которое тот не менял на протяжении всего их путешествия в Америку. Себастьян часто задавался вопросом, оставался ли запах прадеда на тех бриллиантах к моменту, когда семья покупала дом.

До того, как Лидия стала владелицей таунхауса, семья Коуплендов очень хорошо заботилась о нём. Тут всё ещё сохранились оригинальные раздвижные двери, деревянные полы, декоративные каминь, полки, ставни на окнах, четыре спальни и два туалета на площади более двухсот семидесяти квадратных метров. Этого было более чем достаточно для нынешних жильцов. Входная дверь из красного дерева была оснащена почтовой щелью с полированной латунной рамкой. В детстве Себастьян любил смотреть через неё на прохожих. Полировка

этой рамки была одной из его обязанностей, и иногда Себастьян получал от отца деньги на мороженое за эту работу. Лидия не хотела, чтобы сын выходил на улицу один в этом районе. Хотя это было не так весело, как гулять вне дома, Себастьян извлекал максимум пользы из сиденья возле двери, представляя себя капитаном подводной лодки, смотрящим в перископ на «море». Папина пластинка с песней «Yellow Submarine» помогала усилить иллюзию, когда Лидии не было дома.

Теперь ему не нужно было использовать свой «перископ», чтобы наслаждаться видом улицы. Себастьян сидел в кресле Лидии в её узкой гостиной, наблюдая за ленивыми облаками через эркерные окна, держа чашку кофе в левой руке и дирижируя правой в такт известной мелодии, звучавшей у него в голове. Он был в хорошем настроении, и, казалось, предстоял прекрасный августовский день — сегодня не должно было быть учеников. Вместо этого Себастьян собирался репетировать, работать над своей музыкой, хорошенько вздремнуть после обеда и начать поиски концертмейстера для небольшого ансамбля, который Великий Дирижёр рекомендовал для репетиций в рамках второго условия, которое ещё предстояло объявить. Он даже великодушно предложил конкретные инструменты, которые лучше всего подойдут для раннего этапа репетиций.

Да, это определённо будет отличный день, но сначала ему нужно было кое-что сделать и время, чтобы морально подготовиться.

К счастью, Лидия не собиралась нарушать это спокойствие своими постоянными требованиями. «Принеси мне кофе, пожалуйста». Или «Что с тобой сегодня? Почему ты такой медлительный?» Или «Где мои таблетки?» Или... Что бы это ни было, это больше не будет проблемой, потому что Лидия спала, и она не проснётся в ближайшее время. На самом деле, она не должна была проснуться вовсе.

Себастьян допил кофе. Настало время сделать телефонный звонок. Ему нужно было связаться со службой спасения и сообщить о смерти матери. Она умерла во сне ночью.

Больше не нужно варить яйца по утрам. Больше никаких отвлекающих факторов.

Глава 9

Стоял прекрасный августовский день, и Кристин с удовольствием думала о том, как проведёт выходной с бабушкой и дедушкой. Она проснулась довольно рано утром, чтобы успеть сделать все дела по дому.

Она чувствовала тупую боль в мышцах правой руки после вчерашней стрельбы по мишеням. На работе выдался напряжённый день — свидетель по одному делу передумал давать показания — и Кристин решила выпустить пар в тире. Оказалось, что пара было много, и сегодня утром это проявилось в виде синяка на перепонке между большим и указательным пальцами. Придётся быть поосторожнее — не стрелять день или два. И надо будет не забыть перчатку для стрельбы в следующий раз.

Кристин мягко потянула пальцы, запястье и предплечье и пошла варить себе кофе.

Её домашние дела обычно занимали большую часть дня: стирка, уборка, покупка продуктов и изготовление бус. Хотя работа отнимала большую часть времени, Кристин всё же удавалось высыпаться. С зарплатой сорок пять долларов в час в должности детектива по расследованию убийств она могла позволить себе нанять кого-нибудь для еженедельной уборки, но предпочитала делать всё сама.

Дом Кристин был довольно большим даже для семьи из трёх или четырёх человек, и она иногда думала об этом, занимаясь стиркой. Это определённо не соответствовало её доходу, поскольку она унаследовала дом после смерти родителей. Закончив с делами, Кристин села в свой почти антикварный BMW 3 серии, ласково названный «Люси» — всё ещё в отличном состоянии — и поехала к дому бабушки и дедушки. Эта машина когда-то принадлежала матери Кристин и была одной из первых вещей, которые родители позволили себе приобрести, когда их бизнес пошёл в гору. На самом деле это была идея её отца — купить именно эту машину, потому что он считал, что его жена выглядит в ней «очень круто».

Сегодняшний день должен был стать особенным, потому что к ним должна была присоединиться другая бабушка Кристин — Нэнси Брукс. У Кристин был для неё небольшой подарок. Она сделала новый браслет с опаловыми триплетами — одним из камней рождения Нэнси — и ей не терпелось вручить его, пополнив и без того внушительную коллекцию браслетов, уже подаренных бабушке.

Нэнси приехала из Финикса, где жила одна и упрямо отказывалась переезжать в Балтимор, поближе к семье. Она славилась своими железобетонными решениями, которые редко меняла.

Пятьдесят лет назад Нэнси, молодая армейская медсестра, встретила Роберта Брукса, своего будущего мужа и военного офицера, когда они оба проходили службу в Западной Германии во времена Холодной Войны. Тогда было две Германии: Западная и Восточная. Роберт зашёл в лазарет за таблетками и встретил Нэнси, которая, по его мнению, была самой красивой женщиной в мире. Он был околдован ею до своего самого последнего вздоха, который последовал вскоре после смерти их дочери. Увы, сердце Роберта не выдержало такого несчастья.

По словам Вероники, Нэнси была «крепким орешком», что она доказывала много раз. Когда случилась та авария, она стала скалой, на которую могли опереться Харты, её муж и Кристин. Именно Нэнси занялась похоронами и всей бумажной волокитой, чтобы оградить Кристин от ненужных встреч с адвокатами, занимавшимися наследством. Затем она похоронила мужа и осталась одна в доме, где они прожили всю свою совместную жизнь. В то время Нэнси продолжала следить за ходом расследования аварии, не давая детективам расслабляться, пока Кристин не окончила полицейскую академию и не взяла всё в свои руки. Кристин всегда считала, что настойчивость и дисциплинированность, которыми она обладала, достались ей от семьи Брукс.

— Как долго ты пробудешь в городе, бабушка? — спросила Кристин Нэнси, когда они сидели в гостиной, каждая с прохладительным напитком, пока Вероника и Сэм хлопотали на кухне. Нэнси любовалась своим новым браслетом.

— Это зависит, дорогая... — загадочно сказала она и, предвосхищая вопрос, добавила: — Собственно... Это зависит от тебя.

— От меня?

— Вот именно, детектив. — Нэнси улыбнулась, посмотрела в сторону кухни, чтобы убедиться, что их не слышат, и наклонилась ближе к Кристин. — Я слышала, ты наконец-то начала ходить на нормальные свидания.

— Ну, одно свидание — это едва ли...

— Дело не в количестве, дорогая, а в том, с кем ты встречаешься.

Кристин не могла с этим поспорить.

— В любом случае, — продолжала Нэнси. — Я здесь ради интервенции. — И, словно желая убедиться, что Кристин поняла, для чьей именно интервенции её бабушка приехала в город, она добавила: — Ради твоей интервенции, которая была... — Она вздохнула. — Ну, она была запланирована ещё до того свидания, на котором ты только что была, и, наверное, теперь уже не так необходима, но мне просто хотелось тебя увидеть. И, возможно, слово «интервенция» слишком сильное; это был выбор Вероники, не мой. Мы просто хотели поговорить с тобой о твоей жизни — вот и всё.

Кристин рассмеялась.

— Ладно. Что ж, я рада, что ты здесь в любом случае, но для чего именно мне понадобилась эта интервенция?

Нэнси посмотрела на неё так, словно хотела сказать «ты же понимаешь, о чём я», и медленно отпила из своего стакана — холодный Dr Pepper был одним из немногих сладких удовольствий, которые она себе позволяла.

— Я имею в виду, иногда я действительно чересчур увлекаюсь изготовлением браслетов, но, насколько мне известно, это никому не вредит, — сказала Кристин, всё ещё улыбаясь.

— Забавно. — Нэнси улыбнулась. — Если подумать, жертва всё же есть. И это...

— Дай угадаю. Это я. Да? Браслеты мешают мне быть по-настоящему счастливой, так?

— Этот синяк на твоей руке появился не от браслетов, не так ли? — спросила Нэнси, и Кристин прикрыла правую руку, хотя было уже поздно. Её бабушка вновь улыбнулась. — Мы хотим, чтобы ты была счастлива и рассматривала этого славного молодого человека как возможность.

— Возможность для ...?

— Для жизни, которая не связана с погоней за психопатами, стрельбой и травлей в офисе.

Кристин посмотрела в сторону кухни.

— Ты знаешь о моих проблемах на работе, да?

Нэнси поставила стакан и взяла Кристин за руку.

— Вероника всегда на связи, дорогая. Мы разговариваем, и она передаёт мне новости, когда ты забываешь позвонить. — Она мягко похлопала Кристин по руке. — Я рассказывала тебе историю о том, как встретила твоего дедушку?

— Всего полдюжины раз, — сказала Кристин, отставляя свой стакан и готовясь услышать историю снова.

— Что ж, не помешает услышать её ещё разок, не так ли? — Увидев, что Кристин качает головой, Нэнси продолжила: — Я попросила перевести меня в Германию, потому что только что разорвала ужасные отношения с довольно жестоким мужчиной и отчаянно хотела начать новую жизнь. Я потеряла надежду на мужчин и думала, что никогда не выйду замуж, но потом я встретила Бобби, капитана Роберта Брукса, и моя жизнь полностью изменилась. Он вернул мне веру не только в... противоположный пол, но и в людей в целом, понимаешь?

— Понимаю, — произнесла Кристин.

— Это произошло только потому, что я была готова сделать этот шаг и снова довериться кому-то. Это было нелегко, у меня было много сомнений, но в итоге всё закончилось хорошо. — Нэнси на мгновение замолчала и горько улыбнулась. — Знаешь, ведь у меня есть ты. И если бы я не пошла на свидание с твоим дедушкой, тебя бы не было. Понимаешь, что я имею в виду?

Кристин кивнула и задумалась на минуту.

— Для протокола, меня не травят в офисе. Я могу за себя постоять.

— Знаю, что можешь, но... ты собираешься прожить всю оставшуюся жизнь вот так? Решая чужие проблемы?

— Ты тоже решала чужие проблемы, разве нет?

— Не буду тебе врать, я горжусь тем, что мы делали, когда я служила в корпусе. Но... — Нэнси улыбнулась. — Разве не было бы замечательно разделить свою жизнь с кем-то? Знаешь, разговаривать с кем-то, когда приходишь домой. Ходить в кино и, не знаю, вместе делать покупки. Чем сейчас занимаются молодые люди? Кроме того, ты мой единственный шанс увидеть правнуков.

Кристин рассмеялась.

— Не уверена, что походы в кино скоро принесут тебе правнуков, но... — Она накрыла руки бабушки своими. — Я понимаю, о чём ты говоришь. Правда понимаю. Я просто...

У них уже несколько лет были разные версии одного и того же разговора, но в основном по телефону. Бабушка и дедушка Кристин всегда были достаточно тактичны, чтобы не использовать фразы типа «твои родители хотели бы, чтобы ты это сделала»; это, безусловно, могло запустить серьёзные защитные механизмы, которые, как Кристин всегда знала, жили внутри неё.

Она чувствовала их любовь, она действительно её чувствовала, но между ней и её счастьем было непреодолимое препятствие. Кристин как будто никогда не могла позволить себе наслаждаться жизнью, потому что чувствовала себя ответственной за жизни родителей, которых были у неё отняли. Почему? Потому что в глубине души она винила себя за то, что настояла на их присутствии на том роковом выступлении. Если бы только в тот день родители занялись чем-то другим... Это было то, о чём Кристин изо всех сил старалась не думать, но ничего не могла с собой поделать.

— Ты никогда не будешь готова быть с кем-то, если не попробуешь, но... тебе действительно нужно попытаться оставить позади всё, что тебя сдерживает. Ты знаешь, о чём я говорю. О, посмотри-ка! — воскликнула Нэнси, указывая на Сэма, который вошёл с большим блюдом дымящегося тушёного мяса и понёс его к обеденному столу, который уже был накрыт к ланчу.

— Надеюсь, девушки, вы голодны, потому что у нас полно еды, — сказал он, улыбаясь.

— Давайте кушать, хорошо? — сказала Вероника, выходя из кухни с тарелкой, полной дмящихся початков кукурузы — любимого блюда Кристин.

За обедом Вероника поделилась со всеми местными новостями: пожилую пару, жившую через два дома, их дети отправили в дом престарелых («Они были даже рады уехать, потому что больше не могли содержать дом в порядке»), и дом был выставлен на продажу («Возможно, они получают за него хорошие деньги»), произошло несколько преждевременных смертей («Соседка старого друга скончалась во сне. Она была не очень приятной женщиной, но... это заставляет задуматься»), цены растут («Вы не представляете, сколько мы теперь тратим на продукты»), и, кроме того, она побольше рассказала Нэнси о Викторе, что, естественно, привело к разговорам о предстоящем «интервенции».

— Почему бы нам не поесть десерт в гостиной? — спросил Сэм всех и посмотрел на жену так, словно это было каким-то кодовым словом.

Кристин улыбнулась.

— Можете начинать свой допрос здесь, я не против.

— О чём ты говоришь? — невинно спросила Вероника.

— Давайте уже. — Кристин взмахнула рукой, словно приглашая их начать разговор. — Давайте послушаем, что вы хотите сказать о моём свидании и что мне делать дальше.

— А как же десерт? — спросил Сэм.

— Мы можем делать несколько дел одновременно, — вставила Нэнси. Она встала и пошла на кухню за эклерами, которые Вероника купила утром. — Все будут кофе? — донёсся её голос с кухни.

— Я помогу ей, — сказал Сэм и поспешил следом.

Вероника покачала головой, словно чувствуя себя покинутой своими сообщниками, затем, взглянув на Кристин, улыбнулась.

— Какой чудесный браслет ты сделала для Нэнси, — сказала она, выигрывая время.

— Хочешь, я сделаю новый браслет и для тебя? — спросила Кристин, не желая ставить бабушку в неловкое положение.

— Ну... Я люблю тот гранатовый браслет, который ты подарила мне на день рождения. — Кристин знала, что это был вежливый способ бабушки сказать ей, что у неё уже более чем достаточно подобных украшений.

— Ты же сейчас не носишь его, — произнесла Кристин шутливо-обвинительным тоном.

— О, я просто... хочешь, чтобы я его надела? — Вероника уже собиралась встать, чтобы пойти за браслетом.

— Нет, всё в порядке, бабуля. — Кристин положила руку на плечо Вероники. — Но я всё же сделаю тебе ещё один, — сказала она и поцеловала её в щёку. Это будет пятнадцатый браслет, который она делает для бабушки, но кто же считает?

Вероника ответила улыбкой и, казалось, немного расслабилась.

— А вот и десерт, — объявила Нэнси, входя с большой коробкой эклеров, за ней с кофейником и чашками шёл Сэм. — Давайте есть и болтать. — Она поставила коробку на стол, открыла её и начала раскладывать аппетитные эклеры по тарелкам.

— Мы как раз говорили... — начала Вероника.

— О, отлично, — сказала Нэнси и добавила, переходя к делу: — Итак, любовь моя, когда ты собираешься позвонить этому Виктору и пригласить его на второе свидание?

— Ну... — Кристин посмотрела на бабушку и дедушку, которые, казалось, замерли в ожидании её реакции. — Думаю, я позвоню ему сегодня вечером, — сказала Кристин, беря тарелку с десертом и «оживляя» сцену.

— Именно так поступают люди, которые решают двигаться вперёд. Верно?

— И не позволяй другим говорить иначе, — наставляла внучку Нэнси, откусывая изрядный кусок от своего шоколадного эклера. — Боже мой. Этот эклер восхитителен, — сказала она, всё ещё жуя.

— Тебе стоит попробовать с карамелью, дорогая, — взволнованно предложила Вероника, беря свою тарелку. — Он просто неземной.

— М-да, так себе интервенция, — с улыбкой сказал Сэм, разливая кофе по чашкам.

Глава 10

Винсент Аддарио всегда считал себя чрезвычайно везучим человеком. Он был первым в своём музыкальном классе, вдохновенно играл на скрипке в подростковом возрасте и какое-то время был солистом после победы в региональном конкурсе. Он даже не слишком расстроился, когда его агент сказал, что сольная карьера скоро закончится, потому что он уже присмотрел себе многообещающие прослушивания в приличных оркестрах.

Винсент всегда знал, что в конце концов станет великим концертмейстером, и верил, что работать с великими дирижёрами — его судьба. Поэтому, когда один из его бывших, хорошо осведомлённых коллег рассказал ему о предстоящем, секретном прослушивании на должность концертмейстера, Винсент с радостью согласился прийти на встречу в неизвестное ему место, хотя было уже поздно. Это был уникальный шанс, и Винсент не хотел его упускать. Следуя совету коллеги, Винсент держал встречу в секрете, не желая сглазить свой шанс получить то, чего он так сильно хотел. Наконец-то публика по достоинству оценит его старую скрипку, которую одолжила Винсенту одна богатая дама, верившая в него всё это время.

Коллега ждал его в условленном месте, и Винсент почувствовал щекочущее волнение в животе, предвкушая большие перемены. Коллега проводил его к двери в здании из красного кирпича, похожем на старый склад, и позволил Винсенту войти первым. Винсент уловил от коллеги запах алкоголя. *Он может позволить себе выпить в это время. Он же не на прослушивании,* — с улыбкой подумал Винсент. Самому ему тоже не мешало бы выпить, чтобы успокоить нервы. Возможно, он сделает это позже, после того, как получит место?

Как только Винсент шагнул внутрь, он почувствовал что-то холодное вокруг шеи. Когда он попробовал дотронуться, чтобы понять, что это, он почувствовал сильный толчок в спину, и предмет вокруг шеи стал невыносимо тугим, впиваясь в плоть с мучительной болью. Винсент попытался снять его, но не смог ухватиться пальцами и почувствовал, как таинственный предмет врежется всё глубже. Он хотел крикнуть о помощи, но не мог издать ни звука, так как у него перехватило дыхание. Винсент метался взад и вперед, пытаясь вырваться, но его держали мёртвой хваткой, словно в тисках. Пока его тело боролось за жизнь, часть его сознания ещё не понимала, что происходит; всё казалось слишком сюрреалистичным.

Вот и не сглазил, — подумал Винсент в последний раз перед тем, как его душа покинула бренное тело.

Глава 11

Себастьян был взволнован — наконец-то появился кто-то, с кем он может работать над своим произведением. Коллега-музыкант, способный понять масштаб проекта. Первая репетиция должна была состояться в святилище музыки, и они, несомненно, чудесно проведут время, разбирая концерт Себастьяна. Великий Дирижёр настоятельно рекомендовал этого музыканта как искусного интерпретатора, способного читать мысли композитора. К этому случаю Себастьян отутюжил одну из двух своих белых рубашек и надел её с чёрными брюками. Лидия была бы довольна.

Себастьян прибрал в комнате для репетиций и собрал нотный пульт, который купил накануне. На него он поставил копию своего концерта и принёс с верхнего этажа регулируемый стул. Себастьян не знал наверняка, что его будущий коллега предпочтёт из напитков, поэтому на всякий случай приготовил воду, безалкогольные напитки и свежий кофе. Марта помогла ему с этим. Она также приготовила свой удивительный травяной чай, чтобы успокоить нервы. Этот чай каждый раз помогал Себастьяну перед встречами с Великим Дирижёром — он отлично расслаблял.

В голове у него уже созрел план: они оба сделают необходимую разминку, прежде чем приступят к работе над шедевром. Великий Дирижёр сообщил Себастьяну, что этот музыкант прошёл строгий отбор, освободился от всех своих обязательств на время репетиций, ознакомился с произведением и не может дожидаться встречи с ним.

Для Себастьяна было непривычно иметь весь дом в своём распоряжении. Его брат уехал в поездку и не будет присутствовать на репетициях, что его вполне устраивало. Прах матери теперь хранился в дешёвой урне в гостиной, и она тоже не будет доставлять хлопот.

В завещании Лидии не было никаких особых распоряжений, поэтому Себастьян решил, что лучше всего будет её кремировать. Ему нравилась японская философия, один из постулатов которой гласил, что важно не беспокоить других и не занимать в этой жизни лишнего места — то есть уменьшать беспорядок для обретения покоя и сосредоточенности. Превращение Лидии в горстку пепла идеально соответствовало этой идее. Никто не знает, когда наступит их последний день, но Лидия не считала себя обычным человеком даже в семьдесят лет и, очевидно, не планировала покидать этот мир так скоро. Родственников, которые могли бы опспорить решение Себастьяна, у него не было, а Полу было наплевать.

Внося последние штрихи в подготовку к репетиции, Себастьян осознал, что в его голове не звучит музыка. Это было довольно странно, потому что на фоне его мыслей обычно всегда что-то играло. Он попытался сосредоточиться и решить, что подойдёт для такого важного дня. На ум пришла прелюдия из Сюиты № 1 соль мажор Баха. Как только Себастьян вспомнил о ней, медленная и эмоциональная часть произведения начала течь в его сознании, исследуя весь диапазон виолончели. Затем последовала быстрая и технически сложная однотемная фуга, ведущая к мощной концовке. Возможно, медленное и торжественное начало – дуэт виолончели и скрипки – будет хорошей идеей для их репетиции. А может, им стоит сыграть всю сюиту целиком?

— Это было бы замечательно, — вслух сказал Себастьян. Затем он кивнул, словно предложение было сделано кем-то другим, и продолжил свои приготовления.

Он задумался над тем, что можно было бы предложить новому музыканту после репетиции и пожалел, что не спросил об этом Великого Дирижёра. Для Себастьяна было бы честью поселить коллегу в своём доме, поскольку комната Лидии пустовала. Он уже привёл её в идеальную чистоту, удалив все следы пожилой обитательницы и негативную энергию, которую, казалось, источали её вещи, загрязняя пространство, необходимое для художественного творчества. Себастьян оставил только одну деталь первоначального убранства — несколько старых

чёрно-белых фотографий на стене. Это были свидетельства достижений Лидии — снимки с разными музыкантами, дирижёрами и её портреты за игрой на арфе. На них мать Себастьяна была молодой и улыбающейся, не похожей на ту старую и сварливую женщину, которая умерла пару недель назад. Себастьян подумал, что эти фото придавали комнате, в остальном ничем не примечательной, нечто особенное. Он поднялся наверх, чтобы взглянуть на них ещё раз.

— Ты всегда излучала негатив, — произнёс Себастьян, думая о матери и оглядывая комнату с большим окном (пустой подоконник, вытертый дочиста), заправленной двуспальной кроватью (новые простыни и наволочки), прикроватной тумбочкой (также пустой и вытертой), старым гардеробом (внутри — только деревянные вешалки), письменным столом (на котором осталась только лампа) и деревянным стулом.

Он вспомнил обвинения, которые Лидия когда-то бросала в адрес отца, упрекая его в том, что он разрушил её жизнь. В то время Себастьяну это казалось довольно странным, потому что отец, по его мнению, был живым воплощением доброты и терпения. Ну и что, что поп-музыка — The Beatles — нравилась ему больше, чем Бах? Что с того, что он хотел проводить время в парке, играя с сыном в мяч, вместо того чтобы заставлять его играть гаммы, пока пальцы не покроются волдырями? Делало ли это Стивена неудачником? Лидия, кажется, верила, что да.

В то время Себастьян никак не мог понять этого. Позже он осознал, насколько несправедлива была Лидия к его отцу. Он всегда подозревал, что проблемы с сердцем у Стивена были связаны далеко не только с работой, как объяснила ему мать на похоронах. Себастьян чувствовал, что её постоянные придирки понемногу подтачивали здоровье отца. Смерть Стивена всерьёз разозлила его брата. Пол поклялся больше никогда не разговаривать с Лидией. Казалось, он раз и навсегда вычеркнул мать из своей жизни — это было то, чего сам Себастьян так и не смог сделать.

Следом всплыло несколько воспоминаний — «метод Лидии» для занятий музыкой, который должен был начинаться с «очищающих» упражнений (упражнение Штучевского для правой руки, упражнения для левой руки, сдвиги, вибрато и т. д.), прежде чем Себастьян мог приступить к гаммам. Все его ошибки наказывались ударом по рукам деревянной линейкой — не настолько сильно, чтобы повредить мышцы, но достаточно больно, чтобы кожу жгло весь оставшийся день. По мнению матери, это помогало мозгу Себастьяна сосредоточиться на музыке и «держаться подальше от всей остальной ерунды».

Когда Великий Дирижёр сказал ему, что его мать должна уйти, Себастьяну потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что это правильно. На самом деле, он был удивлён тем, насколько он был внутренне готов к этим переменам в своей жизни. Себастьян даже жалел, что этого не случилось раньше, гораздо раньше, чтобы его отец мог остаться жив и здоров.

Почему же он так долго ждал? Ответ заключался в прочной связи Себастьяна с матерью через музыку, несмотря на всё, через что она заставила его пройти. Как бы критично она ни относилась, она разделяла его музыкальную страсть. Лидия понимала, что Себастьян чувствует, слушая Баха или Шуберга, но, к сожалению, это было за пределами понимания его отца.

Действительно ли он был способен сделать это сейчас? Как маленькая птичка, готовая улететь самостоятельно, Себастьян, по словам Великого Дирижёра, стал «состоявшейся музыкальной личностью», которая больше не нуждалась в чьей-либо помощи. Когда Себастьян услышал это, осознание этой мысли пришло как нельзя вовремя и проникло в ткань его разума, словно очередной музыкальный фрагмент, как часть гораздо более крупного и сложного произведения. Это осознание буквально освободило его.

Себастьян вспомнил ту ночь две недели назад, когда он вошёл в комнату Лидии и наблюдал, как его мать громко храпит. В тот вечер она много выпила и легла спать почти сразу после ужина. Очередная выдуманная встреча отменилась — *мой старый друг занят сегодня вечером* — и Лидия в одиночку допила бутылку бурбона.

Он стоял и гадал, что могло ей сниться. Снился ли ей когда-нибудь Себастьян? Испытывала ли она когда-либо радость от того, что была матерью или женой? Ему даже стало жаль её — какая пустая жизнь! Он должен был избавить мать от страданий и отправить её в... Себастьян вспомнил, как думал о том, куда отправится её душа. Когда он взял подушку и подошёл к кровати Лидии, в голову пришла Сюита № 5 Баха. Это была приятная, умиротворяющая музыка, которая казалась уместной в данном случае. Себастьян выждал три минуты и пятнадцать секунд, пока музыка не закончилась, а затем сделал ещё один шаг. Потом у него возникла другая мысль, и он проиграл в голове одну из любимых песен отца — «Here Comes the Sun» — задумавшись о значении того, что он собирался сделать. В жизни Себастьяна начиналась новая эра, и это чувство было одновременно волнующим и пугающим.

Сможет ли он действительно сделать это — лишить мать жизни? Его дыхание участилось. Создалось ощущение, будто Себастьян забыл, как дышать, и теперь отчаянно хотел наполнить лёгкие кислородом. На мгновение он словно вышел из собственного тела и увидел себя со стороны — стоящим в спальне Лидии с подушкой в руках.

Он увидел, как делает ещё один шаг по направлению к её кровати.

Как раз когда песня в голове Себастьяна закончилась, Лидия вдруг начала издавать странные булькающие звуки, и её наполовину переваренный ужин начал выходить изо рта отратительными тёмными пузырями. Себастьян, снова почувствовавший себя в своём теле, опять шагнул к матери, намереваясь перевернуть её, чтобы она не захлебнулась рвотными массами — и тут понял, что всё ещё держит подушку в руке. Он остановился и наблюдал, как естественная борьба человеческого организма с чрезмерным количеством алкоголя делала своё дело, выполняя возложенную на Себастьяна миссию. Его дыхание вернулось в норму.

Когда конвульсии и раздражающие слух звуки удушья закончились, в комнате стало тихо, и Себастьян перешёл к следующей части сюиты. Он простоял у кровати Лидии ещё четыре с половиной минуты, наслаждаясь энергией и эмоциями музыки Баха. Это было похоже на торжество божественного вмешательства, избавившего Лидию от земных страданий. Несмотря ни на что, сын был счастлив за неё, даже если матери пришлось покинуть этот мир таким странным и уродливым способом. Положив подушку рядом с её безжизненным телом, он вышел из комнаты.

Вот как это случилось.

Теперь Себастьян ещё раз оглядел комнату Лидии и решил, что она достаточно чиста для его нового коллеги, если тот решит здесь переночевать. Несмотря на фотографии на стене, Себастьян больше не чувствовал в комнате негативной энергии своей матери.

Пришло время надеть ту самую рубашку.

Глава 12

Телефон зазвонил среди ночи. Кристин схватила его с тумбочки и выслушала сообщение от знакомого патрульного полицейского — произошла очередная авария, возможно, убийство, с участием чёрного пикапа, виновник скрылся с места происшествия. Ещё когда Кристин только начала работать детективом, она договорилась с некоторыми дружелюбно настроенными офицерами, чтобы они сообщали ей о любых делах, похожих на аварию, в которой погибли её родители.

Уточняя детали, Кристин взяла свой блокнот и записала нужную ей информацию о деле, нахмурившись, после того, как спросила, кто из детективов ведёт расследование. Она поблагодарила офицера за информацию, встала и оделась. Времени на завтрак не было, поэтому Кристин просто схватила бутылку воды из холодильника и вышла из квартиры через десять минут после звонка.

К тому времени, как она прибыла на место преступления, скорая уже увезла двух пострадавших — молодого человека (он погиб) и молодую женщину (она находилась в критическом состоянии). Следователь опросил нескольких свидетелей, оказавшихся поблизости, когда произошёл инцидент. Криминалист фотографировал место происшествия, которое находилось в нескольких кварталах от популярных городских клубов, прямо напротив ночного заведения, выглядевшего так, будто оно уже долгое время было закрыто. Массивные деревянные входные двери нуждались в свежем слое краски, а неоновая вывеска с довольно длинным названием клуба — «This Is Where I'm At» — была сломана в нескольких местах. Единственным припаркованным на улице автомобилем был сильно исцарапанный чёрный Chevrolet Traverse с открытой дверью со стороны водителя. Не желая привлекать внимание детектива, ведущего дело, Кристин направилась прямо к полицейскому, который связался с ней.

— Привет, Дэвид, — сказала она офицеру Маккейну, который следил за тем, чтобы никто не пересёк жёлтую полицейскую ленту, ограждавшую место преступления.

— Детектив Харт, — Дэвид улыбнулся.

Кристин подошла ближе, протянула ему бумажный стаканчик кофе, который купила по дороге, и огляделась.

— Кто жертвы?

— Парень, который только что купил эту дыру. — Он указал на клуб. — По-видимому, он приехал посмотреть на него со своей девушкой, когда большой чёрный пикап врезался в его грузовик. — Он отпил глоток. — Спасибо за кофе.

— Не за что. То есть они приехали посмотреть на закрытый клуб в три часа ночи?

Дэвид пожал плечами.

— Два парня, которые пили на другой стороне дороги, — он указал на кирпичное многоквартирное здание с двумя освещёнными окнами на втором этаже, — курили и видели, как подъехал Traverse. Мужчина вышел и пошёл в клуб что-то проверить, пока его девушка разговаривала по телефону в машине.

— Они слышали, как она разговаривала по телефону?

— Один из них видел, как её лицо освещалось экраном телефона. Они сейчас довольно большие и яркие, эти штуки, правда ведь?

— Верно. И?

— И мужчина вышел из клуба, подошёл к своей машине, что-то сказал девушке, а потом они услышали приближающийся автомобиль. Мужчина побежал к водительскому сиденью, но не успел. Пикап врезался в их машину, прижав парня к капоту, и уехал. Всё случилось в считанные секунды.

Кристин кивнула.

— Что было...

— Ну-ну. Посмотрите, кто решил навестить нас в такой поздний час, — раздался хриплый голос у Кристин за спиной.

Она обернулась и поздоровалась без особого энтузиазма.

— Привет, Чарльз.

Детектив Чарльз Козьмински был одним из наименее любимых коллег Кристин, если вообще можно говорить о симпатиях среди детективов.

Проработав в отделе убийств более двадцати лет, детектив Козьмински не был достаточно амбициозен или хитер, чтобы дослужиться к этому времени до сколь-нибудь уважаемого звания, но обладал достаточно «толстой кожей», чтобы казаться невосприимчивым к побочным эффектам своей профессии — качество, которое он любил усиливать крепким алкоголем после работы. Последнее убивало его печень и уже разрушило его брак, но подпитывало самонадеянную веру в профессиональное превосходство перед любым детективом-новичком, особенно если этот новичок оказывался женщиной. Или же эта «модель поведения» включалась только тогда, когда рядом была Кристин?

Будучи довольно полным и находясь не в лучшей физической форме, детектив Козьмински знал, что не стоит демонстрировать свои навыки перед опытными коллегами-мужчинами, но новички и женщины были для него «законной добычей». Даже если бы он не был полным придурком, было крайне маловероятно, что Кристин смогла бы наладить с ним хоть какой-то контакт — она не любила небритых нерях, которым постоянно требовался душ.

— Дай угадаю. Ты спала, когда у тебя внезапно включилось — не знаю — шестое чувство или что-то в этом роде, и ты решила проверить, что происходит на ночных улицах Балтимора? — Он увидел кофе в руках Дэвида и добавил: — Наверное, в кофейне остался только один стаканчик, да?

Кристин проигнорировала замечание о кофе.

— Вам нужна помощь? Я могу...

— Единственная помощь, которую ты можешь мне оказать, — это не мешать расследованию, за которое я отвечаю. Кроме того, это тебе не Шерлок Холмс — это простое дерьмо, которое нужно разгрести. — Он выдал из себя невесёлую улыбку.

— Дело ваше, — сказала Кристин, уходя и кивая Дэвиду на прощание. Она не была поклонницей грубых замечаний и не имела ни малейшего желания работать с Козьмински, который отчасти был причиной того, что она стала ходить на сеансы по управлению гневом. Кристин попыталась сосредоточиться на положительном моменте, заключающемся в том, что здесь не было другого козла из её отдела, детектива Уолтера О'Хары, того самого, которого она ударила за его отвратительные комментарии о ней и других женщинах.

Кристин не любила О'Хару ещё больше и часто чувствовала, что эти двое хотели бы, чтобы её просто не существовало. Такая вот мачо-хрень, свойственная некоторым типам мужчин, когда они чувствуют угрозу от женщины. Кристин было жаль психотерапевтов, к которым обращались эти уроды, если, конечно, они вообще обращались к кому-нибудь.

В любом случае, пора было уезжать. Она будет следить за этим делом, как и за остальными подобными авариями.

Впереди был насыщенный день: утром два новых дела, требующих её немедленного внимания, и еженедельный сеанс с доктором Корпачефф во второй половине дня. Кристин не знала, чего ждала с меньшим нетерпением: допроса подозреваемых или того, что сегодня будут допрашивать её саму.

Сев в машину, она решила пока не думать об этом и поехала позавтракать. Была ещё одна вещь, о которой можно было подумать за едой — её возможное второе свидание с Виктором. Кристин пообещала бабушке и дедушке, что напишет ему. Он ответил на её сообщение, сказав,

что хочет снова встретиться. Может быть, сегодня она сможет провести время с доктором более продуктивно и выяснить, что она на самом деле чувствует по этому поводу.

— Какие чувства это у вас вызывает? — спросила доктор Корпачев, медленно перебирая пальцами ручку Swarovski, отчего маленькие розовые кристаллы внутри неё засверкали.

Кристин поведала ей об отсутствии каких-либо конфликтов и неприязни на работе, упомянув о своём коротком разговоре с детективом Козьмински, который не закончился дракой, а также поделилась новостью о предстоящем свидании.

— Что кто-то хочет со мной встретиться? — она сидела всё в том же кресле напротив доктора, перебирая свой браслет и наблюдая за кристаллами в ручке. Они выглядели красиво. *Сколько могла бы стоить такая ручка?*

Она недавно закончила долгий и неприятный допрос сорокасемилетнего белого безработного мужчины, которому, если бы она могла это доказать, было бы лучше не контактировать с внешним миром пару десятилетий, пока он не сгниёт в тюрьме за то, что сделал со своей шестнадцатилетней падчерицей. Он утверждал, что ничего не помнит из того, что произошло в его квартире, и нашёл тело девушки, застреленной в ванной, только когда проснулся после ночной пьянки с «будущими деловыми партнёрами». Мать бедной девушки, сорокатрёхлетняя медсестра, работала в ночную смену в больнице, и ей сообщили о смерти дочери после того, как она всю ночь лечила пациентов. Кристин не могла представить, насколько сильно эта женщина, должно быть, сожалеет о том, какого мужчину она выбрала себе в спутники жизни.

Что было важнее: иметь тело, которое можно обнимать в постели, или обеспечить благополучие и безопасность собственного ребёнка? Женщина, вероятно, могла бы спасти жизнь своей дочери, если бы ушла от этого мужчины — своего третьего мужа — после первых признаков сексуальных домогательств, которые, по словам соседей и нескольких оставшихся друзей семьи, случались несколько раз. Никогда не стоит преуменьшать силу отрицания, но нужно быть готовым заплатить за его последствия. Фотографии следов побоев на теле девушки будут преследовать эту женщину до конца её жизни.

— Я чувствую... что мне хочется общаться с кем-то — ну, кроме моих друзей — нормальным... я надеюсь, — сказала Кристин, немного подумав.

— Нормальным? — Доктор Корпачев посмотрела на неё.

— Да, ну, знаете, с кем-то, с кем я не взаимодействую по работе.

— Похоже, для вас действительно важно иметь связи за пределами вашей профессиональной роли.

Кристин задумалась.

— Думаю, да. Точно.

Впервые ей было приятно сидеть в кабинете врача, глядя на эту хорошо одетую женщину, с которой Кристин не прочь была бы подружиться и вне офиса, чтобы отдалиться от чудовищно жестоких людей, с которыми ей приходилось сталкиваться каждый день. Это было похоже на проблеск той жизни, которая могла бы быть у Кристин, если бы она не решила стать полицейским. Внезапно она почувствовала лёгкое волнение перед ужином с Виктором, который должен был состояться сегодня вечером.

— Вы улыбаетесь. — Голос доктора Корпачев вернул её из задумчивости.

— Улыбаюсь? Ну... не знаю... наверное, я взволнована свиданием или... я просто слишком устала, чтобы об этом думать.

— Желание быть нормальной — это нормально, Кристин. Хорошо, что вы направляете свои мысли о нормальности в такое здоровое русло. Нам всё ещё нужно поработать над поиском объекта вашего гнева, но... — Доктор Корпачев убрала свой блокнот, свою сверкающую ручку и сняла очки. — Мы поговорим об этом на следующем сеансе.

Кристин встала и внезапно почувствовала желание обнять доктора. Ей показалось, что она только что приятно пообщалась с подругой. *Это и есть то, что называют прорывом в терапии?* — подумала она. Вместо этого она улыбнулась и вышла из кабинета, чтобы заняться очередным делом, которое ждало её, — тридцатитрёхлетний мужчина был убит выстрелом в голову при попытке ограбления. Семья жертвы подозревала парня его бывшей жены – человека с весьма сомнительным и неприглядным прошлым.

— Извини, у меня нет времени переодеться, и я не хочу опаздывать. — Кристин вела машину и записывала голосовое сообщение Виктору, ожидавшему её в рыбном ресторане, который они выбрали для второго свидания. — Будет слишком грубо с моей стороны, если я появлюсь в рабочей одежде? — Она убрала палец с экрана, отправила сообщение и покачала головой. Кристин ненавидела опаздывать и размышляла о том, не выглядит ли её вопрос слишком ли фамильярным для второго свидания.

Когда она собиралась поворачивать, она увидела входящее голосовое сообщение от Виктора. Кристин нажала на маленький треугольник, чтобы прослушать его.

— Какое совпадение! — Голос Виктора звучал бодро. — У меня тоже не было времени переодеться, и я думал о том же. Так что, думаю, сегодня мы оба будем в режиме «после работы».

Кристин улыбнулась, решив, что это звучит обнадеживающе. Она была в двух кварталах от места и начала искать место для парковки.

Десять минут спустя она сидела за столиком у окна напротив Виктора. Он улыбался, и не было похоже, что у него был трудный день. На рубашке Виктора не было ни единой складки, а замшевые лоферы выглядели безупречно, словно он провёл весь день в помещении. В самом деле, от него пахло так, будто он только что принял душ с какими-то эфирными маслами или чем-то подобным. Это было приятное зрелище для Кристин, которая провела целый день с людьми, которым не помешал бы душ (за исключением доктора Корпачефф), и которая только что осознала, как она сама, должно быть, пахнет сейчас.

— Я просто... схожу в дамскую комнату на минутку, а ты можешь... заказать нам напитки. — Она встала и вдруг вспомнила кое-что. — Подожди, мне нельзя ничего алкогольного.

— Безалкогольный мохито подойдёт?

— Идеально, — сказала Кристин и поспешила в туалет, гадая, есть ли там какой-нибудь дорогой крем для рук, который она могла бы использовать как дезодорант, и вспоминая, что пищевую соду и кокосовое масло также можно применить для этих целей. Учитывая обстоятельства, это была довольно бесполезная информация, но она заставила Кристин улыбнуться. У неё было предчувствие, что этот вечер обещает быть удачным.

Глава 13

На задворках сознания играла Рапсодия на тему Паганини, соч. 43 Рахманинова. Себастьян готовил завтрак: органические сосиски из индейки, кусочки брокколи, морковь, омлет из яиц от кур свободного выгула, поджаренный цельнозерновой ржаной хлеб с тонким слоем мёда и чашка органического кофе темной обжарки. Он был разборчив в еде, как и его отец. Марта заранее купила всё необходимое. Она сказала, что всё ещё может приходить и помогать, пока он не привыкнет к жизни без Лидии — организация, в которой она работала, позволила ей это, потому что формально Себастьян тоже был музыкантом, хоть и не вышедшим на пенсию.

Проверяя цвет омлета — по французским стандартам, он должен быть бледно-жёлтым и лишь слегка схватившимся внутри, — он поймал себя на мысли, что ему больше не нужно так тщательно следить за питанием. Себастьян мог бы прямо сейчас пойти в McDonald's и купить там Мак Маффин с картофельными оладьями; в детстве он мечтал об этом. Когда в детстве у него возникало «вредное» желание, отец тайком водил его съесть гамбургер и выпить молочный коктейль. Стивен понимал, что дети всегда остаются детьми, и допускал такие вылазки, когда Лидии не было дома. Он сидел напротив Себастьяна в Wendy's и с улыбкой спрашивал: «Как тебе вообще может это нравиться?» Себастьян не знал, почему ему нравились эти походы. Была ли причина в жирной еде или всё же в возможности провести время с отцом? А, может быть, в сочетании того и другого?

После смерти Стивена поедание фастфуда — или чего бы то ни было от уличных торговцев — считалось преступным и, следовательно, наказуемым деянием. Но... Лидии больше не было рядом, а Пол, который тоже был сторонником здорового питания, не мог указывать Себастьяну, что есть.

Он на секунду замер, обдумывая довольно бунтарский план — выбросить всю эту «правильную» еду и сбегать в ресторан быстрого питания только потому, что теперь он мог делать то, что хотел. Нет, он покачал головой и продолжил проверять омлет. В конце концов, это была глупая идея, и не было смысла выбрасывать хорошие продукты, в то время как некоторые люди не могли позволить себе их купить. Возможно, Себастьян сходит за гамбургером и коктейлем, когда его производство будет готово и хорошо отрепетировано — это будет чем-то вроде празднования, во время которого он представит, что его отец сидит рядом и улыбается. Это было бы здорово.

Себастьян был в хорошем настроении. Это утро было особенным и требовало хорошего завтрака.

Первая репетиция со скрипачом, состоявшаяся накануне, прошла лучше некуда, и Великий Дирижёр был очень доволен, услышав о результатах их сотрудничества. Он звонил Себастьяну поздно ночью. Новый коллега был должным образом введён в святилище музыки и стал частью будущего маленького оркестра, который будет исполнять сочинение Себастьяна. Его инструмент прекрасно вписался в ткань произведения.

Себастьян был так воодушевлён, что даже подумывал отменить занятие со своей ученицей, которое должно было состояться позже днём, но решил, что пока неразумно отказываться от такого источника дохода. К тому же ему нравилась Эмили, девушка-подросток, которая много работала и изо всех сил старалась угодить родителям, купившим ей очень дорогую виолончель. Он сомневался, что она действительно хотела стать музыкантом, но ей нравилось играть, что, по словам её матери, было «гораздо лучше, чем вейпить и тратить свою жизнь впустую с друзьями». Себастьян согласился с этой женщиной и хорошо заработал, порекомендовав родителям Эмили обратиться в знакомый ему музыкальный магазин для покупки вио-

лончели. Это обычная практика для многих учителей музыки, позволяющая получать дополнительный доход.

Сегодня, однако, единственной вольностью, которую он решил себе позволить, было пропустить утреннюю репетицию, послушать хорошую музыку и приятно прогуляться. Может быть, даже купить мороженого. Чёрт возьми! Себастьян даже мог бы зайти поболтать с Эвереттом — старым владельцем маленького магазинчика, которого он знал с самого детства — и купить у него шоколадку (ещё один прежде запрещённый продукт).

Себастьян сел и начал есть омлет, чередуя яйца с небольшими кусочками сосиски и хлеба — идеальное сочетание вкусов и текстур. Произведение всё ещё звучало у него в голове, добавляя к процессу еды довольно приятные ощущения. Завтрак должен был длиться столько же, сколько и опус, который, как известно, заканчивается внезапным, резким замиранием, а затем Себастьян отправится на прогулку.

Ради забавы он даже хотел взять с собой одну из бутылок бурбона Лидии, которая — настоящее чудо! — всё ещё была наполовину полна, и выпить рюмку в память о сложной 24-й вариации Рапсодии. Правда, у Себастьяна не было того сладкого ликёра, который, как говорят, пил Рахманинов, исполняя это произведение, чтобы успокоить нервы, чтобы сделать празднование исторически аутентичным. Попытавшись и, наконец, вспомнив название напитка (мятный ликёр), он снова отказался от этой идеи. В отличие от многих классических музыкантов, Себастьян не особо жаловал алкоголь. Он видел слишком много печальных примеров того, как алкоголь разрушал карьеры музыкантов, использовавших его «чтобы успокоиться» перед концертами; через некоторое время они уже не могли без него жить. Себастьян всегда верил, что у него хватит силы воли держаться подальше от искусственных успокоительных и других «телесных» отвлекающих факторов, которые, как предполагалось, должны помогать ему расслабляться.

Себастьян не был против общения с другими людьми. На самом деле, он пытался встречаться с девушками и однажды даже дошёл до какого-то подобия секса с молодой женщиной, игравшей на флейте в камерном оркестре, где он тоже играл одним летом. Конечно, он держал это в секрете, чтобы никто, особенно его брат, который всегда пользовался большей популярностью у женщин, ничего не узнал. Само собой, ему даже в голову не приходило поделиться с матерью сенсационной новостью о потере девственности. Её тошнило от любых проявлений плотской страсти, которые она случайно видела по телевизору. Себастьян чувствовал, что Лидия была в этом отношении лицемерна — он слышал, как она иногда развлекала поздних ночных гостей в своей комнате после смерти отца.

Что касается секса... После относительно неинтересного полового акта, вызванного, возможно, недостатком опыта со стороны Себастьяна и высокой степенью алкогольного опьянения со стороны его партнёрши, чьё имя он не мог вспомнить (что уже указывало на незначительность события), Себастьян решил, что будет сам заботиться о своих телесных потребностях.

Он читал, что мастурбация может помочь преодолеть тревожность — это простой процесс, не требующий неловкого времяпрепровождения с противоположным полом. Конечно, его брат был абсолютно с этим не согласен, так как предпочитал «телесный» подход, когда дело касалось снятия любого рода напряжения. Себастьяну же было непонятно, почему другим людям приходится проходить через всевозможные испытания, чтобы оставаться вместе только ради секса. Ну, возможно, у его родителей, которых он никогда не подозревал в физическом влечении друг к другу, были на то другие причины.

Рапсодия закончилась, и Себастьян был готов выйти на улицу. Он проверил прогноз погоды: облачно, возможен небольшой дождь или гроза, 27 градусов. Он взял с собой лёгкую водонепроницаемую ветровку с капюшоном и вышел из дома. Себастьян всегда любил сентябрь и любил гулять, когда у него была такая возможность.

Идя по улице, Себастьян увидел Эверетта Джексона в своей обычной бейсболке местной футбольной команды Ravens, сидящего перед своим маленьким магазинчиком и разговаривающего с другим стариком. Он не хотел прерывать их и немного сбавил шаг, но с облегчением заметил, как собеседник махнул рукой Эверетту и заковылял прочь.

— Здравствуйте, мистер Джексон, — сказал Себастьян, подходя к старику.

Эверетт, прищурившись, с минуту оглядывал Себастьяна.

— В сандалиях сегодня, как я погляжу, — сказал старик с улыбкой.

— Всё ещё довольно тепло, — ответил Себастьян.

Эверетт кивнул в знак согласия.

— Соболезную насчёт твоей матери, парень. Не видел тебя с тех пор... ну, ты знаешь... — Он причмокнул губами. — Знаешь, у нас были разногласия — у меня с Лидией — но ничего весёлого нет, когда кто-то уходит из жизни. С другой стороны, может, ей пришло время предстать перед Богом. — Он поднял указательный палец вверх, указывая на небо.

— Наверное, да, — сказал Себастьян, не зная, что ещё добавить к этому утверждению. — Ну, ей... гм, нравилось с вами разговаривать... иногда. — Это было не совсем правдой, но это было единственное, что пришло ему в голову.

Эверетт захохотал.

— Лидия? Да ладно, парень, ты же знаешь, что это неправда. Она терпеть не могла мою чёрную задницу и никогда не любила, когда ты торчал в моём магазине, ещё когда был вот таким. — Он опустил руку ладонью вниз на уровень бедра, показывая рост маленького Себастьяна. — О, чёрт, думаю, она ненавидела меня ещё до того, как ты родился. Но... ты точно любил тайком выбегать из дома, чтобы купить на свои карманные деньги шоколадные батончики, не так ли?

Мысль о маленьком Себастьяне, тайком покупающем шоколад, видимо, позабавила старика, и он громко рассмеялся, хлопнув себя рукой по колену.

— Помню, как сейчас. Лидия отчитывала меня и запрещала продавать тебе что-либо «вредное». — Он вытер глаза руками и перестал смеяться. — Твоя мать была ещё та штучка. Но... твой отец мне нравился. Стивен был хорошим человеком. Он останавливался поболтать со мной о том о сём и покупал свои сигареты. Не слишком много белых болтали со мной в те времена, знаешь ли. Ну что ж, он тоже теперь с Господом.

Себастьян терпеливо ждал окончания привычного ностальгического ритуала. Эверетту нравилось проходить через него так или иначе каждый раз, когда они встречались. Их разговоры всегда были краткими, потому что Себастьян почти всегда куда-то спешил — выполнять поручения Лидии, идти к ученикам — или опаздывал на случайные концерты. Сегодня, однако, всё было иначе. У него не было никаких дел.

Эверетт, словно почувствовав это, сказал: — Ты сегодня никуда не бежишь, а?

— У меня... утро свободное. Вроде того, — ответил Себастьян, размышляя о том, когда он в последний раз говорил что-то подобное.

— Молодец, парень. Иногда нужно и отдохнуть, правда? А знаешь, что тебе ещё нужно начать делать?

Себастьян знал, к чему тот клонит, потому что тема «встретаться с хорошей девушкой» всплывала почти каждый раз с тех пор, как Себастьян упомянул о том своём randevu с флейтисткой. На самом деле, Эверетт был единственным, кто знал об этом, и вот, он решил взять на себя роль отца и помочь найти женщину для Себастьяна. Себастьяну удавалось придумывать разные отговорки, чтобы не звонить по номерам, которые старик ему давал, — в основном это были внушки его друзей и некоторые одинокие женщины, жившие по соседству. Себастьян понятия не имел, как Эверетту удавалось добывать эти номера, и его пугала мысль о том, что какие-то женщины ждут его звонка.

— Что? — спросил Себастьян, зная, что нужно дать Эверетту закончить его обычную тираду.

С шоколадкой пришлось подождать.

Слушая старика, Себастьян вспомнил ещё одно дело из своего списка на сегодня. После занятия с Эмили ему нужно было начать поиски следующего коллеги. Великий Дирижёр попросил его найти альтиста. Ещё один инструмент непременно добавит красок репетициям.

Глава 14

Тёплым воскресным утром Кристин просматривала новости с работы на своём телефоне, ожидая на бранч Лору, которой она обещала встретиться уже некоторое время. Кристин сделала новый браслет — из чёрного оникса — в качестве компенсации за перенос их предыдущей встречи и принесла его с собой в маленьком чёрном замшевом мешочке. Оникс известен своим успокаивающим действием на эмоции, он способствует обретению внутреннего покоя и эмоциональной стабильности. Кристин надеялась, что камень поможет успокоить её несдержанную подругу, чтобы они могли хорошо провести день вместе.

У Кристин был выходной, но она ждала результаты вскрытия по одному из дел, над которым работала. Ей не хотелось думать о том, как отреагирует Лора, если её вдруг вызовут в офис. Браслет должен был смягчить удар» в случае чрезвычайной ситуации.

Кристин знала, что Лора, как обычно, опоздает, потому что она была из тех людей, которые начинают собираться на встречу, когда уже давно пора там быть. Кристин позволила себе заказать свою первую чашку кофе. Она надеялась получить все необходимые рабочие обновления до прихода Лоры, чтобы потом полностью погрузиться в старую американскую традицию бранча.

Было приятно сидеть в выходной день среди разношёрстной компании беззаботных отдыхающих, единственной проблемой которых была необходимость решить, чем заняться после еды — пойти на прогулку или немного пошопиться — прежде чем вечером снова поесть. Заведение, Five and Dime Ale House, выбрала Лора из-за полезных для здоровья вариантов бранча и из-за того, что она «уже слишком долго» мечтала об их тосте по-южнокалифорнийски. Кристин не особо следила за своим питанием и редко по-настоящему задумывалась о еде, но старалась ограничивать потребление фастфуда двумя-тремя разами в неделю, когда это было возможно. Однако ей нравились такие оживлённые места, как это, и, благодаря Лоре, она могла присоединиться к толпе гурманов раз в два-три месяца.

— Я опоздала, дорогая? — раздался голос Лоры сквозь шумную стену посетителей.

— Всего на чуть-чуть? — Кристин обернулась и увидела свою подругу, которая, на самом деле, опоздала на двадцать минут — считай, пришла почти вовремя.

На Лоре Маккензи был белый худи с капюшоном и крупной надписью «Have a Faerie Nice Day», а также синие шаровары, которые выглядели очень удобными. Она плюхнулась на стул напротив Кристин с громким вздохом облегчения и улыбнулась.

— Вот. Я здесь, — сказала она, беря меню, которое Кристин попросила приветливую официантку принести около пятнадцати минут назад. — Я слышала, это место скоро закроют.

— Это место? — Кристин с удивлением покрутила указательным пальцем в воздухе. — Не может быть. Посмотри, как тут людно.

— Ага. Похоже, они не могут оправиться после пандемии.

Кристин огляделась и увидела, что заведение переполнено довольными посетителями.

— Ты уверена?

— Какая-то компания выкупает их, а потом собирается продавать. Так что, возможно, мы здесь в последний раз, — произнесла Лора, просматривая меню. — Я буду...

— ...мой первый и последний...

— ...где же это? А, вот — авокадо-тост с яйцом. Тебе тоже стоит его попробовать, дорогая. Это что-то с чем-то. — Лора сделала знак официантке.

Кристин знала, что после этой «рекомендации», которая звучала, скорее, как приказ, заказать что-то другое будет невозможно. Она даже не стала смотреть меню и просто кивнула в знак согласия. Если это место в самом деле закрывалось, Кристин могла хотя бы попробовать их самое популярное блюдо, прежде чем они исчезнут.

— Итак, выкладывай, — сказала Лора после того, как сделала заказ на двоих. — Принц на белом коне, сэр Виктор О'Брайен — так, что ли? Не могу сказать, что хорошо его помню. Он случайно не родственник Конана О'Брайена? Потому что это могло бы быть... — Она подняла руки на уровень ушей и потерла большими пальцами кончики указательных и средних, намекая, что такая связь могла бы быть весьма прибыльной для её подруги.

— Не думаю. Он не рыжий и не шутит много, — сказала Кристин.

— Не всем в семье дано быть смешными, но они могли бы делить общий банковский счет, — ответила Лора, снова изобразив жест с деньгами.

— Перестань, — сказала Кристин, смеясь. — Он и сам неплохо зарабатывает, даже если не родственник какой-то знаменитости.

— Что ж, я считаю, тебе повезло, — ответила Лора с улыбкой, поворачиваясь к официантке, которая принесла им две чашки кофе. — Большое спасибо, — сказала она, отпивая глоток. — Ах, это именно то, что доктор прописал. Мне это было действительно нужно.

— Снова работала допоздна? — спросила Кристин, зная, что Лора предпочитает работать поздно ночью, когда «птицы и люди не могут беспокоить муз».

— Ага. Но... давай вернёмся к мистеру О'Брайену.

Кристин пожала плечами.

— Что я могу сказать? Он милый. Он мне вроде нравится, и...

— Нравится? Это... Чёрт возьми, ну, наконец-то, миледи. Подожди. — Лора подняла указательный палец. — Он холост, да?

— Да, холост. Сколько раз мне тебе говорить, что я не знала, что Эрик ещё не был официально разведён? — сказала Кристин, имея в виду один из своих неудачных служебных романов, который пару лет назад чуть не закончился большим скандалом. — Он сказал мне, что свободен, и...

— Сейчас это уже не важно, не так ли? Что было, то прошло. Дела минувших дней. Мы говорим о мистере О'Брайене — возможном племяннике Конана — который является одиноким, успешным холостяком и интересуется этой... — Лора указала на Кристин, — страдающей дамой. Я правильно всё понимаю?

— Дама не страдает.

— Пока нет, но может начать страдать, если она продолжит избегать мужчин — как пить дать. — Лора глубоко вздохнула, словно готовясь к очередной волне «конструктивной» критики. — Итак, как насчёт твоей работы и твоей любимой круглосуточной миссии «очищать Шарм-Сити от мерзавцев»? Как он вписывается во всё это? — Лора сделала ещё один глоток кофе.

— Это... гм... ну, я как бы хотела обсудить это с тобой.

— О Боже! — Лора поставила чашку с кофе и уставилась на Кристин. — Ты ведь не беременна?

— Чтобы забеременеть, нужно заниматься сексом, так что нет, — ответила Кристин с улыбкой. — Я как-то задумалась в последнее время... знаешь, эти сеансы терапии, на которые я хожу, и... не знаю, может, я просто становлюсь старше.

— Можем мы перейти к сути? — Лора сложила ладони вместе, словно умоляя о каком-то откровении.

— Ну... не могу поверить, что говорю это, но я задумываюсь о возможности нормальной жизни.

— Ты хочешь заняться сексом с Виктором О'Брайеном, — сделала вывод Лора с серьёзным кивком.

— Что? Нет. Я имею в виду, это определённо может быть вариантом, если у нас всё пойдёт хорошо и...

— Как долго ты собираешься ждать этого «хорошо»? Пока тебе не исполнится шестьдесят и ты не будешь знакомить его со своими кошками?

Кристин рассмеялась.

— Я имею в виду... — продолжила Лора. — Когда в последний раз кто-то как следует занимался с тобой сексом так, чтобы ты могла забыть о своих... как это называется...? — Она щёлкнула пальцами, пытаясь вспомнить нужное слово. — Когда ты осматриваешь мёртвые тела?

— Вскрытия? Это звучит забавно, потому что...

— Это и «текущие расследования». Ты была самой красивой девушкой в классе и до сих пор сногшибательна. Просто десять из десяти баллов. Жизнь — это то, что случается с тобой, пока ты строишь другие планы, знаешь ли. Это Джон Леннон сказал. Ты слишком долго строишь планы, дорогая. А, вот и оно, — сказала она официантке, которая принесла им две порции тостов по-южнокалифорнийски. — Спасибо. — Лора взяла вилку и наколола ею клубнику. — Я думаю, ты идёшь верной дорогой, — сказала она и отправила ягоду в рот. — Пришло время подумать о — как ты это назвала? — «нормальной жизни», — добавила она, жуя.

Остаток бранча состоял из перечисления вещей, которые Кристин придётся делать в её будущих отношениях с Виктором, основанного на личном опыте Лоры с мужем и на том, что она читала в Интернете. К тому времени, как еда закончилась, Лора описывала школы, которые должны будут посещать будущие дети Кристин, чтобы получить лучшее образование в стране. Кристин даже не заметила, как присоединилась к обсуждению, сравнивая плюсы и минусы различных подходов к образованию детей — несмотря на свои крайне ограниченные познания в этом вопросе.

Оживлённая дискуссия была прервана новостями с работы об упомянутом ранее вскрытии, напомнившими Кристин о браслете, который она принесла для Лоры. Две женщины покинули вскоре закрывающееся заведение в стиле «деревенский шик» в хорошем настроении — Лора демонстрировала свой новый браслет почти каждому прохожему на улице, а Кристин пыталась угадать, что именно из того, о чём они только что говорили, могло бы произойти в будущем.

Кристин поехала в офис, пообещав Лоре скоро снова встретиться, и провела два часа, изучая отчёт, добавляя детали к расследованию и набрасывая планы работы на следующую неделю. Когда она уже собиралась закончить и отправиться в тир на часовую тренировку, пришло сообщение от Виктора. Он спросил, есть ли у Кристин время на ужин сегодня вечером, и предложил забрать её, где бы она ни была. Ей понравилась спонтанность сообщения, которая казалась шагом к будущей близости и, возможно, даже интиму. Кристин отправила Виктору ответ, попросив забрать её из дома в 20:00 — у неё будет достаточно времени, чтобы немного пострелять в тире, доехать домой, прыгнуть в душ и быть готовой к очередному свиданию.

Глава 15

После нескольких недель гастролей с оркестром Пол вернулся с интересными новостями о чрезвычайно талантливой китайской скрипачке по имени Ли Мэй, которая помогала их оркестру во время китайской части турне — она заменяла заболевшего музыканта на нескольких выступлениях. По словам Пола, Ли Мэй справилась с этим весьма успешно.

Ей было двадцать пять лет, она происходила из богатой семьи в Шанхае и мечтала играть в Соединённых Штатах и Европе, чтобы «набраться опыта и наработать известность» перед тем, как заняться серьёзной сольной карьерой в Китае. Пол, который несколько раз беседовал с Ли Мэй после выступлений, горел желанием замолвить за неё словечко перед некоторыми влиятельными музыкантами, с которыми у него сложились деловые отношения. Однако в этом, казалось, не было необходимости, поскольку сам дирижёр оркестра — маэстро Фабиано Гуини — уже заметил её мастерство и, скорее всего, её яркую внешность.

Ходили слухи, что маэстро ценил не только музыкальные навыки — к которым он предъявлял высочайшие требования, без исключений, — но и был искушённым ценителем удовольствий, которые может доставить женское тело, особенно, как поговаривали, в латексных нарядах. Поэтому дирижёр уделял особое внимание любой музыкантше, которая соответствовала его изысканным стандартам за пределами музыки. Он часто предлагал им частные беседы «для более глубокого погружения в музыкальное произведение» после выступлений или репетиций, которые очень удобно проводились в его роскошном гостиничном номере, когда оркестр был на гастролях.

Себастьян прекрасно знал, что музыканты плотские развлечения — такие как свидания в гостиничных номерах интрижки, пьянство до беспамятства и пробуждение в чужой постели — часто случались среди музыкантов, когда оркестр уезжал на гастроли в разные страны. Что ещё можно было сделать, чтобы внести немного радости в свою жизнь, когда предполагаемая «гламурность» гастролей сводилась к монотонной рутине «самолёт-автобус-отель»? Музыкантам редко удавалось увидеть места, где они выступали — можно было считать себя счастливым, если получалось хорошо разглядеть город через окно автобуса в ясный день. Так что, в некотором смысле, статус «гастрольной жены» маэстро мог расцениваться как подобие карьерного роста и не осуждался коллегами. Возможно, у кого-то это и вызывало зависть, но открытой неприязни никогда не было. Что случалось на гастролях, оставалось на гастролях.

Не было никаких доказательств того, что Ли Мэй приглашали на подобные встречи — её семья в Китае была слишком богата и влиятельна, чтобы позволить испортить себе репутацию. Тем не менее, многие музыканты замечали похотливые взгляды и исключительно любезные замечания, которые маэстро направлял в сторону молодой исполнительницы во время турне. Итак, через неделю после окончания гастролей Ли Мэй прибыла в США, чтобы попытаться получить место в оркестре — место, о котором, что любопытно, до этого момента никто не слышал.

Сидя в гостиной, которую Себастьян превратил в подобие личного кабинета, разместив у эркерных окон старый стол и свой ноутбук, он нашёл несколько видео с Ли Мэй и был впечатлён тем, как она переосмысливала исполняемую музыку, добавляя интригующие нюансы к известным работам. В ней было нечто, что, несомненно, могло бы усилить концерт, написанный Себастьяном, — определённый красочный штрих, расширяющий диапазон эмоций в произведении. Однако кое-что отвлекало Себастьяна во время его изысканий: всплывающее окно с афишей предстоящего выступления Бориса Назарова. Себастьян был большим поклонником знаменитого русского виолончелиста, который, как оказалось, играл на одной из старейших виолончелей в мире, предоставленной ему во временное пользование одним олигар-

хом. Себастьян мимоходом подумал о том, что нужно попросить Пола достать ему билет на это выступление, а затем вернулся к просмотру видео с Ли Мэй.

Поизучав видео в течение часа, Себастьян решил обсудить кандидатуру Ли Мэй с Великим Дирижёром и посмотреть, можно ли будет организовать встречу с ней, чтобы выяснить, заинтересуется ли она участием в проекте. Зная склонность своего брата к соблазнению, когда дело касалось женщин — Пол, обычно носивший чёрную одежду от Calvin Klein и собиравший волосы в гладкий хвост, любил считать себя *homme fatal*, — Себастьян подумывал встретиться с молодой музыкантшей сам и провести с ней сугубо профессиональную беседу. Возможно, ему стоило бы уделить чуть больше внимания своему внешнему виду — найти рубашку без пятен для этого случая, отказаться от сандалий в пользу кожаных туфель, побриться и причесать свои волосы до плеч, чтобы произвести на Ли Мэй приятное впечатление, прежде чем начинать разговор о своём произведении.

Однако, Себастьян понимал, что ему лучше сделать это как можно скорее, потому что Великий Дирижёр назвал ему второе условие для их сотрудничества — они должны быть готовы выступить на грандиозном торжестве в честь дня рождения Мстислава Ростроповича, которого Великий Дирижёр знал лично. Мероприятие организовывалось самыми видными меценатами в мире музыки для особой аудитории. Это будет лучше любого музыкального конкурса — упускать такую возможность нельзя. Великий Дирижёр возлагал большие надежды на произведение Себастьяна. С лучшими из доступных талантов и их прекрасными инструментами, подходящими для этого, он хотел организовать идеальное исполнение перед взыскательной публикой.

Раскрытие второго условия случилось неожиданно несколько дней назад. Сразу после очередной продуктивной репетиции с новым коллегой Себастьяна Великий Дирижёр решил появиться и поделиться с ним своими удивительными планами. Был поздний вечер. Коллега, который предпочёл спать у себя дома, ушёл. Себастьян — одетый в свой изодранный в клочья малиновый халат, раньше принадлежавший отцу, — ел острую корейскую рисовую лапшу с овощами, приготовленную Мартой на ужин, когда услышал за спиной голос Великого Дирижёра. Сначала он подумал, что всему виной усталый разум и тяжёлая голова, в которой от напряжённой работы звучат шумы, похожие на чей-то голос, но затем Себастьян понял, что в комнате присутствует маэстро.

— Пришло время тебе узнать, когда мы будем исполнять твоё произведение, — тихо сказал Великий Дирижёр своим красивым, мелодичным голосом, почти напевно.

Себастьян обернулся и увидел самого мужчину — одетого в чёрный смокинг, белую рубашку и чёрную бабочку, словно он направлялся на званый ужин. На нём была его обычная хирургическая маска — он объяснил Себастьяну при их первой встрече, что не хочет подхватить никакие вирусы. Учитывая постпандемийную постпандемийную лихорадку, это было вполне логично. Сам факт его появления не был шоком — ранее Себастьян с трепетом вручил Великому Дирижёру ключ от дома, позволив ему приходить, когда будет удобно, и маэстро любезно принял это предложение. Это был приятный, неожиданный сюрприз.

— Тебе нужно будет внести некоторые изменения в концерт, чтобы убедиться, что у каждого инструмента есть свой «звёздный час». Будь дотошен. Нашим музыкантам, наряду с солистом, нужно будет сиять и излучать энергию, в которой сможет купаться аудитория. Это станет кульминацией всего вечера и истинным торжеством гения Ростроповича. Он будет смотреть на нас оттуда, — он поднял обе руки, указывая на небо, и посмотрел вверх, — с небес, улыбаясь с удовольствием и умиротворением.

Себастьян лишился дара речи.

День рождения одного из величайших виолончелистов был в марте, что давало им шесть месяцев, чтобы найти всех музыкантов, которые были нужны Великому Дирижёру, отрепетировать произведение до совершенства и подготовиться к выступлению. Себастьян был польщён

и нервничал, но более всего он был счастлив. Поэтому новость о Ли Мэй, талантливой молодой скрипачке с отличной техникой и интересным взглядом на устоявшиеся подходы, была очень кстати.

Себастьян закрыл ноутбук — настало время провести завершающий утро урок. Затем, после ланча, он собирался встретиться с Ли Мэй, которая, по словам Пола, днём должна была посетить репетицию оркестра. Себастьян будет ждать её снаружи здания, прямо напротив входа для персонала. Он надеялся добраться до Ли Мэй раньше, чем на горизонте появится Пол со своими сладкими речами.

Себастьян встал и пошёл переодеваться.

Глава 16

Кристин открыла глаза и слегка пошевелилась, чтобы увернуться от прямых солнечных лучей, проникавших в просторную спальню через большое раздвижное окно. Окно было больше, чем те, что были в её собственном доме. Она потянулась и посмотрела на потолок — ей потребовалась всего секунда, чтобы вспомнить, где она и как она здесь оказалась.

В этом месте пахло иначе, чем в спальне Кристин. У неё дома пахло стиральным порошком и кондиционером, которым она стирала постельное бельё, а также увлажняющим кремом, который наносила перед сном. Ещё там чувствовался запах оружейного масла, потому что иногда, когда Кристин возвращалась домой поздно, и на следующий день нужно было рано вставать, она оставляла пистолет на тумбочке. Так было попросту удобно.

Здесь же не пахло... ничем особенным.

Кристин повернулась на бок и заметила, что вторая половина большой удобной кровати, на которой она лежала, пуста. Она закрыла глаза и накрыла половину лица мятой, точнее — пахнущей мятной свежестью бежевой шелковой простыней, скрывая счастливую улыбку, расплывшуюся по лицу. Кристин вспомнила цепочку неожиданных, озорных, но подсознательно оправданных — и очень приятных — событий, которые привели её в эту кровать, принадлежавшую не кому-нибудь, а Виктору О'Брайену.

Как, чёрт возьми, она могла не услышать, как он встал? Казалось, Кристин смутно помнила, как заснула — определённо не из-за того единственного бокала вина, который выпила накануне вечером, — и чувствовала себя прекрасно отдохнувшей, с приятными, почти забытыми ощущениями в теле. Она задавалась вопросом, не был ли это тот самый «эффект послесвечения», о котором она когда-то читала — чувство обострённого удовлетворения, которое остаётся после сексуальной активности. Если это вправду было оно, Кристин определённо могла бы использовать побольше такого «свечения» в будущем. Эта мысль заставила её хихикнуть, как девушку-подростка после первого свидания.

Кристин снова попыталась вдохнуть воздух, стараясь уловить в нём что-нибудь интересное и относящееся к хозяину дома. Она повернулась к открытой двери в ванную и услышала остаточный запах мяты, лайма или сандалового дерева от пены для бритья и дорогого мыла. Через минуту Кристин вынесла вердикт: это место напоминало хороший гостиничный номер — изысканный, минималистичный и безупречно продуманный. Она решила, что ей это нравится.

Затем она услышала шум, доносившийся из соседней комнаты — судя по звукам, кто-то готовил, — и воспользовалась моментом, чтобы осмотреть спальню, которую у неё не было возможности как следует рассмотреть накануне вечером. Эта спальня определённо принадлежала одинокому мужчине — ни одного туалетного зеркала в поле зрения, только одна прикроватная тумбочка, на которой стояло несколько книг, лежали очки для чтения и помещались красивые, старомодные механические часы с будильником на циферблате. У этого мужчины был хороший вкус, и он потратил немало денег на дизайн интерьера, чтобы сделать его уютным и функциональным. Кристин не увидела в комнате никакого пластика — только дерево и металл. Это тоже было в её вкусе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.